

СИБИРСКИЙ

ФОРУМ

2021 | октябрь | sibforum.sfu-kras.ru
интеллектуальный
диалог

16+

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ

Опыт у всех разный. Кто-то и к 25 годам пройдёт огонь и воду, кто-то проживёт мирно отведённый ему срок. При этом мудрость, понимание жизни, которыми можно поделиться, накапливаются исподволь. И рано или поздно понимаешь главное. Это главное — рядом, и оно простое, живое, человеческое.

Анатолий Матюшенко

КОММУНАЛКА КАК ВЫЗОВ

«Надо представлять состояние городского хозяйства того времени: износ сетей до 75 %; большая аварийность, для ремонта — один экскаватор на весь город; регулярно топило канализацию. Каждое утро начиналось с вопроса: где?».

8

Татьяна Шмелёва

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА МОМЕНТА

«Современную жизнь характеризуют прежде всего слова коммуникации: набери меня, скинь на почту, заскани, переведи в ПДФ, запланируй встречу в зуме. Их невозможно было представить себе, а сейчас это наша повседневность».

4

Сергей Бобров

КОГДА ТЕАТР СОСТОЯЛСЯ

«В Англии нас ждут, задолго до приезда появляются вопросы: а что в этом году будет танцевать Кудрявцев? А Свинко? Это уже разговоры о личностях, даже в Красноярске такого нет. А ведь отношение публики оставляет послевкусие, как после хорошего французского вина».

14

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

То самое знаменитое
выступление
в Совете Федерации

«Я проживаю три жизни синхронно...»

Один из самых известных антропологов и этнографов в мире, видный исследователь культуры Арктики, доктор исторических наук Андрей ГОЛОВНЁВ этой осенью принял участие в работе VIII Сибирского исторического форума. Член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) является также основоположником нескольких научных направлений — антропологии движения, визуальной антропологии и др. Кроме того, Андрей Владимирович ещё и поэт, музыкант, автор этнографических фильмов. Занимался этнографией многих народов Севера, а также тюрков Урала и Сибири, староверов и сибирских старожилов.

— Андрей Владимирович, вы основоположник российского антропологического кинематографа. Уже тридцать лет снимаете этнографическое кино...

— Основоположник — это некоторое преувеличение: я один из тех, кто поднял его на новый уровень в 90-е годы. Тогда случился развал СССР, бум этничности и сотни национализмов прокатились по нашей стране. И, соответственно, этот жанр стал чрезвычайно популярным. Я и фильмы снимал, и организовал фестиваль.

На самом деле этнокино имеет в нашей стране давнюю историю. Например, 1920-е годы были временем пышного расцвета этнофильмов. Этничность была популярна, на её основе строился СССР как союз народов.

В 30-е годы всё пошло на спад. Дистанция между 1920-ми и 1990-ми оказалась большим провалом этнографического кино. Более чем через полвека мне и моим единомышленникам действительно пришлось вроде как заново его изобретать, хотя, повторяю, оно уже было изобретено до нас.

— Один из ваших первых фильмов «Хадампэ» о ненцах северного Урала стал лауреатом Международного фестиваля-биеннале у нас, в Красноярске, в 1995 году.

— Я горжусь этой наградой, и, кажется, у красноярцев хороший вкус, поскольку это кино мне

и самому нравится — там яркая, интересная героиня, и сама композиция фильма основана на творческом отношении к традициям. Анна НЕРКАГИ — ненецкая писательница. В старые времена она была бы шаманкой, а в нынешние — творец новой культуры на основе традиций. И в этом смысле кино, конечно, этнографическое, а с другой стороны — оно, как и положено кино, имеет фокус на героиню.

— Совсем недавно вы работали на Таймыре, возглавляли экспедицию. Что для вас Красноярский край?

— Красноярский край огромен, в нём и в широтном, и в меридиональном отношении много интересного, самобытного, разнообразного. Для меня Таймыр — это страна юности. Я начинал как этнограф всерьёз именно на Таймыре, ещё будучи студентом, участвовал в экспедиции московского института этнографии под руководством Владимира Ивановича ВАСИЛЬЕВА. И соприкосновение с Таймыром в любое время, тем более по истечении такого потока лет, — это возвращение к истокам и много-много чего интересного.

— Стоит ли нам ждать нового кино — об автохтонах Енисейского Севера?

— Пока готовлю не фильм, а книгу, и в этом проекте я и руководитель, и первый автор. Предварительное название — «Этноэкспертиза на Таймыре». Издание посвящено состоянию тра-

диционных культур коренных народов в связи с техногенной аварией, что не умаляет и не сужает, а, наоборот, обостряет концептуальность содержания. Плюс работаю сейчас над авторской книгой с названием «Северность России». Думаю, жителям Красноярского края её тоже интересно будет прочесть. Всё-таки в крае находится географический центр страны, он в устье Енисея, на Полярном круге.

Что касается фильма, то я в активном поиске. У меня так всю жизнь получалось: всё, недосказанное в книгах, я договариваю в кино.

— Ваши сыновья Иван и Владимир тоже историки, этнографы, кинодокументалисты...

— Да, и мы не только родня, но и друзья, и единомышленники. Все окончили исторический факультет Омского государственного университета. Затем дополняли своё образование. Я, допустим, обучался на кафедре этнографии исторического факультета МГУ.

В кино сыновья двинулись дальше меня. Я всё-таки больше исследователь, а во вторую очередь — киношник, а они, наоборот, — больше киношники и сколько-то исследователи. Но Иван, между тем, скоро защищает докторскую, то есть по линии науки тоже растёт. И про раннее советское кино я говорю с его слов. Он даёт мне пищу для ума и размышлений, я пользуюсь его работками. Это он открыл замечательную страницу в истории кинематографа — «Этнографическое кино в Советском Союзе».

— Сейчас вы руководите Кунсткамерой — главным академическим музеем России. В этом году исполняется 300 лет научной археологии, начало было положено у нас на Енисее. Первая кол-

лекция Кунсткамеры была сформирована экспедицией Мессершмидта именно на территории Красноярского края. Какие артефакты той и других сибирских экспедиций у вас хранятся?

— К сожалению, эти ранние коллекции дошли до наших дней фрагментарно. Во-первых, потому что не вполне ясна судьба сборов самого Даниэля Мессершмидта. У коллекции этой непростая история, тем более всё сопровождалось скандалами, исками: что можно вывозить, что нельзя. Когда Даниэль отправлялся в экспедицию, он был посланцем Государя, а когда вернулся, все, начиная с Петра I, и принимавший его князь сибирский губернатор Матвей Петрович ГАГАРИН — уже были в мире ином. К окончанию его путешествия уже сформировалась Академия наук, которая встретила одиночного исследователя с прищуром; мол, кто такой этот Мессершмидт? Поэтому возвращение исследователя было хаотичным и даже драматичным.

Такая же история и с его коллекциями. Более того, гигантский пожар, уничтоживший значительную часть этнографических собраний Кунсткамеры в 1747 году, коснулся и коллекции Мессершмидта. Кое-что осталось, и мы не теряем надежды обнаружить в нашем музее что-то ещё из сборов этой экспедиции. Или, по крайней мере, дополнительно идентифицировать.

Если вести речь о другой коллекции — о первой и второй камчатских экспедициях (преимущественно о второй — Великой Северной экспедиции), то они были собраны, но опять-таки погорели в большинстве своём. К сожалению, среди них те самые сибирские костюмы и коллекции, участвовавшие в параде народов 1740 года, который по велению императрицы Анны Иоановны состоялся и был очень интересным явлением.

Но есть у нас, к счастью, такие материалы, как «нарисованный музей», и в рисунках кое-что сохранилось. Мы, кстати, продолжаем работать над коллекциями и записками Мессершмидта, и у нас есть проект его издания, он один из наших героев.

«*Вот сейчас будем реконструировать петровскую Кунсткамеру и там обязательно отведём место исследователю Сибири.*»

— Вы называете себя учеником кочевников и являетесь основоположником концепции «антропологии движения». Говорите, что северные народы со своей мобильностью и выживаемостью претендуют стать моделью образа жизни будущего. Всерьёз ли это? Всё-таки при ставке на выживаемость до остального (типа культуры и цивилизации) дело уже не доходит...

— Я рассматриваю не сами по себе народы как модель будущего, а их технологии мобильности, лёгкости, даже изящества. Вряд ли будущее человечества — это кочующие караваны со стадами оленей. Но однозначно будущее за мобильностью.

Если говорить о выразительных примерах, то самый лучший — арктические кочевники. У них даже философия жизни состоит в том, что движение — это благополучие. Например, переезд с места на место — это не два пожара как у оседлых людей, а радость, удача и комфорт. Для современного человека это близкая философия. Потому что мы все кочевники если не телесно, то спиритуально. Только мы не на верблюдах путешествуем и не на лошадях, а в браузере, в интернете кочуем. Ездим на автомобилях, летаем на самолётах, но от этого не меняется сам стиль мобильности. То есть в душе мы всё равно кочевники и сохраняем это свойство раннего человека и кочевого мира. Поэтому, наблюдая за кочевниками, учась у них быстро менять состояние, уметь маневрировать, быстро реагировать, мы тем самым отвечаем на запросы будущего, которые сегодня оказываются для нас главными вызовами, потому что мобильность подразумевает и быстроту реакции.

— «Северность России и культуры Арктики» — тема вашего выступления на прошедшем в сентябре Сибирском историческом форуме. Север вы называете опорой российской идентичности. То есть северянами, по-вашему, можно именовать всё население России?

— Дело даже не столько в том, какую географическую позицию мы занимаем, сколько в са-

моопределении с точки зрения опоры. ГДЕ мы в большей степени МЫ? Так уж устроен человек — это подражательное существо. Мы на все стороны заглядываемся, а когда происходит ещё и конфликт между этими сторонами, то нам особенно трудно, потому что оказываемся в тупике: Запад или Восток? Вот и бьёмся, как муха о стекло. А на самом деле, где у нас устойчивость, где мы абсолютно не нуждаемся ни в каких самоутверждениях, самоубеждениях и где мы внеконкурентны? На Севере.

Напомню, что путь из варяг в греки лёг в основу русской государственности. Именно с севера на юг происходило становление нашего Отечества, начиная с Рюрика и Олега. Русь складывалась с Севера, и археология это блестяще подтверждает.

Если брать недавнюю историю, то ещё одно пришествие северности случилось в Советском Союзе, когда освоение Северного морского пути и Арктики стало героикой на уровне освоения космоса. Есть набор красивых легенд — Земля Санникова, плавания Отто Шмидта, папанинцы, поларники, освоение северных ресурсов. Главные поступления в казну сейчас снова идут с севера, а тратятся на юге. Я не то что призываю всех называться северянами, просто предлагаю помнить, где наша опора.

— Будучи директором Кунсткамеры, вы не раз говорили, что она — самое большое путешествие для вас, источник идей. Как сегодня оцениваете потенциал Музея РАН?

— Кунсткамера — действительно настоящая машина времени. Путешествие по лестницам этого музея означает путешествие по огромному количеству событий, идей, которые составляют историю страны. И это здорово. Кроме того, Кунсткамера хороша тем, что она храм подлинников. Не берусь утверждать, каково их будущее, что их ожидает при цифровизации, и будут ли эти digital-копии оригиналов более стойкими, чем сами оригиналы. Но возможность прикосновения к подлинникам — это что-то естественное для человека как для природного существа. Прикосновение руками, глазами к предмету важно для каждого, а для этнографа тем более. Если этнограф где-то не побывал, он об этом даже писать не сообразится.

Музей своим богатством — подлинниками — создаёт возможность причаститься. Тяга в музей с этим связана. У людей есть даже своего рода музейный инстинкт. Помните, мы все в детстве тайнички создавали? Музейность или музеальность, как иногда говорят, — внутри каждого человека. Я думаю, у Кунсткамеры серьёзный потенциал, потому что это музей натуральных, артефициальных, очень важный для людей.

— «От уродов к народам» — такой вы видите траекторию развития Кунсткамеры. Не значит ли это, что экспозиция радикально изменится?

— Кунсткамера известна широкому кругу посетителей или просто тем, кто слышал это слово, как кабинет, в котором хранятся уроды, монстры, эмбрионы в банках и т.д. Действительно, во времена становления музея такие экспонаты пользовались большой популярностью. Более того, они были на переднем плане науки, потому что человек познавал себя, а понимать анатомию и причины, почему бывают отклонения, — это важная фаза самопознания. Вот почему Пётр Великий и его современники так живо реагировали на подобные экспонаты, а в моде были публичные зрелища — анатомические театры. Люди приходили наблюдать, как препарировать, скажем, вора (чаще всего именно трупы преступников тогда и препарировали). Картинка не для слабонервных. Вот именно «не для слабонервных» было то собрание о человеке, которое хранит до сих пор Кунсткамера, это её золотой фонд.

Но мне бы хотелось, чтобы другие коллекции вызывали не меньший ажиотаж, а больший. И для этого я хочу провести реэкспозицию и показывать в нашем музее культуры разных народов планеты. Мечтаю, чтобы они привлекали посетителей ничуть не меньше, чем уродцы, которым место в анатомическом театре. Я не собираюсь прятать их в хранилище, хотя было время, причём в период расцвета Кунсткамеры в конце XIX века, когда директор музея, академик Василий Васильевич РАДЛОВ взял и просто убрал «уродов» из экспозиции, и Кунсткамера прекрасно жила без них. Я не собираюсь действовать настолько радикально, но хотел бы, чтобы в нашем лучшем зале — зале барокко — был не парад уродов, а парад народов.

— Вы автор большой монографии о колонизации. С этой точки зрения как бы охарактеризовали историю Енисейской Сибири?

— Профессор Василий Осипович КЛЮЧЕВСКИЙ называл историю России историей страны колонизирующей. В моей книге «Феномен колонизации» есть глава «Рывок на Восток», она посвящена интереснейшей части российской истории, связанной с присоединением Сибири.

Что касается Енисейского края, то здесь произошло перераспределение потоков. История освоения края за Енисеем особенная, да и сам Енисей — большой разделитель Евразии на мир уральских народов и мир ленских культур. Особенность колонизации данной территории хотя бы в том, что это другой мир нежели западный, уральский, раскинувшийся от Оби до Скандинавии. К востоку от Енисея мир ленских культур, простирающийся до Тихого океана. В основе русского движения лежит острожная колонизация, которой предшествовало движение русской вольницы — поморов и казаков, а следом за которой шли миссионеры и чиновники.

Острогами и ясаком маркировалась власть. Кстати, ясак — не просто сбор пушнины, а признание подданства, политика.

«*Не шкуркой единой был жив русский землепроходец. Мне кажется, что русских землепроходцев и морепроходцев на Севере больше привлекали новые земли и новые люди, а также новые возможности (не только что-нибудь добыть, убить, выторговать, но и с точки зрения самореализации).*»

Известно немало случаев, когда создавались новые сообщества — те же енисейские сердюки, русскоустыинцы на Индигирке, чалдоны — это новое сибирское народонаселение, в котором проглядывают выразительные черты и северных, и восточных народов, и русских переселенцев.

Таймырская страница колонизации тоже замечательна. Это неприступная арктическая территория. Очень сложная! Почему там сохранилось такое огромное стадо диких оленей? Да просто человеческих сил не хватало проследовать за этим стадом в арктические пустыни Таймыра. Да ещё и северный ход над полуостровом перекрыт — там льды страшные, я сам застревал в проливе Челюскина. Поэтому колонизация по-таймырски — это не просто освоение территории, а освоение разными народами, с разными технологиями, при совместной поддержке друг друга. Здесь много интересного!

— И о личном. Вы играете на гитаре и фортепиано, пишете стихи. Недавно, выступая в Совете Федерации с серьёзным докладом, вы взяли в руки гитару и исполнили песню собственного сочинения. Какое место в вашей жизни занимает творчество для души?

— Сложно во времени и пространстве сочетать все мои желания и умения. Что-то, к сожалению, уходит. В какие-то моменты я замечаю, что, увлечшись кино или книгами, просто отправляясь в дальние путешествия, теряю навыки игры на инструментах. То же самое относится к бардовскому творчеству — это особое состояние. В бесконечной загруженности сложно вырваться в ауру поэзии, хотя иногда это всё же случается. Но я бы хотел, чтобы таких моментов было больше, хотел бы вернуть себя.

Я как-то говорил, что не один, а нас «три брата» — учёный, киношник и поэт. И вы сейчас не знаете, с кем из них разговариваете. Я как бы проживаю три жизни синхронно, а когда ещё один из этих «братьев» становится директором Кунсткамеры, то это, конечно, изматывает, отнимает массу времени, мешает творчеству.

Пока я не изменяю себе и нескольким ипостасям, в которых себя ощущаю. Допустим, будучи лектором, я ещё и актёр. Моё выступление перед аудиторией — это, по сути, театр одного актёра. Ну, или не одного, если это иммерсивный театр. Так что пока я нахожу в себе силы балансировать на грани между обязанностями руководителя и художественным творчеством.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Сюжеты профессора Шмелёвой

Это одно из самых характерных для неё слов – «сюжет». Она способна увидеть сюжет в случайном обмене репликами, в городской вывеске. И даже по поводу рождения ребёнка как-то сказала: «Этот сюжет на всю жизнь».

С доктором филологических наук Татьяной Викторовной ШМЕЛЁВОЙ мы беседуем в соответствии с современными реалиями – по зуму. И не из-за коронавируса. Вот уже 25 лет, как профессор переехала из Красноярск в Великий Новгород. Но связи с Сибирью не теряет – с учениками, с коллегами и с нашей газетой, где несколько лет вела рубрику «Лексикон современного интеллигента».

Иногда требуется взглянуть по-новому

– Татьяна Викторовна, что такое для вас «жизненный опыт»? И насколько он в цене? Сегодня ставка делается на энергию молодых.

– Мне кажется, жизненный опыт – это осадок, который у каждого остаётся после каких-то занятий, он приводит к автоматизму в решении серийных задач. Например, если раньше на статью мне требовалось две недели, то сейчас могу написать и за два дня.

Но автоматизм ничего не гарантирует. В начале каждого учебного года – а я преподаю больше 40 лет – у меня бывает какой-то психоз (я его называю «синдром первого сентября»), когда кажется, что на этот раз не получится: не смогу расположить студентов, заразить их лингвистическими идеями. Но 2 сентября это проходит. Наверное, опыт включается на второй ступени.

Сегодня опыт, действительно, несколько дискредитирован. Считается, что молодые лучше сделают. Не знаю, можно ли кого-то убедить в обратном. Опыт – амбивалентная вещь: с одной стороны, помогает, с другой – поддерживает инерцию и сопротивление новому. То есть иногда опыт мешает. И сейчас наш советский и ранний постсоветский опыт воспринимается как помеха. Возможно, в этом есть какая-то правда.

Я не склонна преувеличивать значимость опыта («у меня же опыт!»), и я за сопротивление автоматизму, вот этому «я всегда так делаю». Другое дело, что сегодня я вижу новизну, но обаяние её на меня не действует: новое не сулит изменить всё к лучшему.

А ещё опыт неповторим, даже с собственными детьми. По-моему, мудрость – не полагаться на свой опыт, не считать: я всё знаю и делаю как надо.

Узлы времени и места

– Если разделить вашу жизнь на этапы, то по какому критерию: возраст, место проживания, близкие в тот или иной момент люди?

– Пожалуй, моя биография соединена с географией. Целая эпоха связана с Кубанью, где я родилась и выросла и даже работала год... помощником киномеханика. Огромный отрезок жизни в Москве – 11 лет учёбы и преподавания в МГУ. Больше-большое время жизни в Красноярске (когда я поняла, что в Новгороде уже 25 лет, а в Красноярске прожила 14, я изумилась; но там

У памятника Юлиану Тувиму, любимому в Лодзи писателю. Июль 2019 г.

я была молодой, а время молодости всегда объёмней, что ли). Ну и новгородский этап с перерывом на работу в Польше, где я жила целых четыре года.

То, что Бахтин называет хроно-топ (связь времени и места), я реально ощущаю в своей жизни: перемещаясь в пространстве, я открываю новые качества своего существования и при этом его единство, неразрывность всех этих частей своей жизни. Например, везде я рассказываю про язык, изучаю город. У меня есть статьи про Красноярск, про польский город Быдгощ, а сейчас вот выпустила книгу «Великий Новгород: ономастический портрет». Это то, что я не сделала в Красноярске. Ведь как только я приехала в Красноярск, то остро почувствовала, что надо изучать язык города.

– То есть тему «Язык города» вам подсказал Красноярск?

– Да. Я же приехала туда синтаксистом, стала читать всю грамматику русского языка. Но Красноярск с его речью, названиями меня захватил, мне стало ясно, что это надо изучать, описывать. С Кирией Петровной МИХАЛАП, у которой был большой опыт красноярской жизни и изучения диалектов, мы сочинили программную статью. Реализовать эту программу удалось в очень небольшой части. Но из неё вышло два кандидата наук – Лида КИСЕЛЁВА и Лиля ПОДБЕРЁЗКИНА.

гих. От неё же я научилась тому, что необязательно, чтобы твои ученики думали как ты, не в этом состоит ученичество. И что люди важнее науки.

Школьная грамматика застряла в XIX веке

– Можете вспомнить самую первую вашу научную радость или открытие?

– На втором курсе я писала работу про слова типа «весело», «странно». В семинаре Белошапковой было так заведено: сначала выступаешь с докладом, потом пишешь курсовую. Делая доклад, я доказала, как мне представлялось, что эти слова – наречия. А пока писала и читала лингвистические работы, пришла к выводу, что они – прилагательные. Для меня стало открытием, что можно думать так, а потом посмотреть по-другому. И не могу сказать, что это принесло мне большую радость. Было страшно: вдруг Вера Арсеньевна скажет, что я меняю свои точки зрения с лёгкостью. Но она сказала: «Вот Таня молодец – пропустила через свою голову две концепции».

– Так слова «весело», «странно» – это прилагательные?

– Да. Меня убедило в этом слово «людно» – оно же не может быть наречием, а «весело» и «странно» могут: «Он выглядел весело и странно». Но они же могут быть и прилагательными. Смотрите: «Её лицо было весело и странно» – это прилагательные? Согласуются со словом «лицо» в единственном числе, среднем роде. А если убрать это слово, то будет «Ей было весело и странно». Что это? Значение, конечно, другое, но по существу это то же прилагательное, только без существительного. Это похоже на безличные глаголы, сравните: «Ветер ломает деревья» и «Её ломает». Эту идею – о безличных прилагательных – высказал Михаил Викторович ПАНОВ, я её «пережила» и увидела логику и красоту грамматики. Это и было моё открытие.

Кстати, недавно я выступала оппонентом докторской диссертации в Саратове, в которой доказывалось, что всё это наречия. Я удивилась: ко мне вернулся этот сюжет? И написала в отзыве, что мне такое решение кажется шагом назад.

– Но в школе учат именно так. И надо ли «последнее слово науки» тащить в школу? Ведь если от детей требовать понимания того, в чём сами лингвисты не разобрались, ребёнок вообще запутается.

— Во-первых, не такое это последнее слово: статья М.В. Панова опубликована в 1960 году! А во-вторых, в школу не надо. Я даже думаю, что и в вузе это не требуется. Знаете, если есть восемь точек зрения, то когда ты дойдёшь до четвёртой, студент уже отключится и просто возьмётся за телефон. Я считаю, что нужно дать непротиворечивую картину, а потом уже, возможно, рассказать про другие точки зрения и почему они возникали.

Но всё-таки удручает, что школьная лингвистика у нас стоит на уровне XIX века. Да, подлежащее и сказуемое тогда стали открытием. Но сейчас очевидно, что в них практически нет объяснительной силы. Зачем это вбивать в голову школьникам? Нужно просто говорить: есть субъект как действующее лицо и есть возможность обозначить его разными способами. Кстати, дети легко понимают это. Если «я (мёрзну)» — это подлежащее, то почему «мне (холодно)» или «меня (знобит)» — не подлежащее? Это одно и то же лицо. И один и тот же смысловой элемент предложения, добавлю.

— Школа на уровне XIX века — это впечатляет. А школьную реформу в этом отношении лингвисты обсуждают?

— Когда я говорю, что надо более реалистично учить студентов, коллеги возражают: выпускники ведь пойдут в школу, как они будут объяснять детям! И это замкнутый круг. Школа — как будто непреодолимая преграда. Меня это огорчает и повергает в пессимизм. А сейчас вообще не надо понимать, просто угадать. Подлежащее или сказуемое? Ура! Угадали, пошли дальше. Что тут обсуждать лингвистам?

Темы, подаренные Красноярском

— Что бы вы назвали своим самым серьёзным достижением в науке?

— Сейчас есть РИНЦ — Российский индекс цитирования. И там можно узнать разные показатели, в том числе выявить наиболее востребованные работы. Так что могу сказать про три свои самые цитируемые публикации.

Первое — семантический синтаксис, который я преподавала в Красноярске. С тех пор, как я в 1988 году издала маленькую учебную книжечку об этом, другого системного изложения этого предмета нет. Люди защищают диссертации и до сих пор (фантастика!) ссылаются на эту работу. Конечно, я виновата, что серьёзную научную книгу на эту тему не написала. Но хотя бы показала, что семантический синтаксис — это то, о чём можно говорить со студентами, это система понятий, а не просто наблюдения над отдельными предложениями.

Второе — я придумала, точнее почитала БАХТИНА, и перечислила признаки речевого жанра. Эти признаки известны в науке как «анкета Шмелёвой». Про это я тоже читала спецкурс ещё в Красноярске, и уже Володя ОЛЕЙНИКОВ писал работу про деловые жанры, Юлия ЩУРИНА — про жанр шутки. Из наблюдений над речевыми жанрами выросло лингвистическое направление — жанроведение со столицей в Саратове и своим журналом «Жанры речи».

Третье — это ключевые слова текущего момента. До сих пор поражаюсь, как это получилось — без компьютера, без измерения частотности употребления. Это тоже цитируемая вещь.

Кстати, всё, что я придумала, случилось в Красноярске.

— В газете «Московские новости» вели нечто подобное — рубрику «Слова и анτισлова»: какие из них наиболее характеризуют сегодняшнюю жизнь, а какие конкретно автору лично претят. Есть такие 5 слов и анτισлов для вас сегодня?

— Современную жизнь характеризуют прежде всего слова коммуникации: *набери меня, скинь на почту, заскани, переведи в ПДФ, запланируй встречу в зуме*. Их невозможно было представить себе, вообразить даже такие действия, а сейчас это наша повседневность. Кстати, все переживания по поводу «позвонишь /позвонишь» скоро исчезнут, все будут говорить «наберёшь меня».

Что касается анτισлов, то я стараюсь не культивировать словеннависничество, которое сейчас в моде. То вдруг все набросятся на ни в чём не повинное слово «кушать», то кому-то не понравится «адекватный». Всё-таки негативные эмоции вызывают не сами слова, а то, как с ними обращаются. Из таких слов могу назвать *проект, компетенции, коллаборации, стартап, иноагент*.

Русисты не заметили

— Если говорить о современной российской лингвистике — каково её состояние, актуальные задачи?

— Два года назад примерно такой же вопрос мне задала Оля КУКУШКИНА (мы вместе учились). Для форума исследователей русского языка в МГУ она попросила сформулировать задачи современной русистики. Я написала доклад и думала, что он взорвёт научный мир. Но никто не заметил! Вот что мне кажется плохим в современной лингвистике: низкий уровень реальной дискуссии.

Я опубликовала этот доклад в «Профессорском журнале», перечислив некоторые нерешённые задачи современной русистики. Русистика пережила ряд бумов: семантический, прагматический, бум интереса к разговорной речи, к тексту. Но ни один из этих бумов не изменил наших общих представлений о русском языке и его преподавании. Например, семантическое описание русского языка и в школу могло бы прийти, сделав уроки более полезными и интересными. Но этого не случилось.

Одно дело — заниматься чем-то, а другое — реальный результат. Вот принципиально новых результатов нет. Но когда об этом говоришь, люди обижаются. Например, после того доклада одна коллега сказала мне: ты многих обидела.

При этом последняя грамматика русского языка вышла в 1980 году — прошло 40 лет. Мы какие-то успокоенные, много пишем про одно и то же, а время идёт. Надо двигаться дальше, прилагать коллективные усилия для решения масштабных задач.

— И всё-таки есть сегодня топ-3 имён лингвистов, которые войдут в историю русистики?

— РИНЦ одно время публиковал топ-100 самых цитируемых специалистов во всех областях. Но там в одном ряду и ныне живущие, и почившие. Есть, конечно, люди, которых я всегда читаю. Например, Андрей Петрович РОМАНЕНКО в Саратове, мой товарищ по аспирантуре. Он изучает советскую словесность, современную словесность. Мне симпатична эта тема и всё, что он пишет, но последователь за ним я не вижу. Мой коллега Михаил Юрьевич ФЕДОСЮК пишет

интересные статьи о синтаксисе, недавно о названиях улиц очень интересно. Но опять: нет школ и нет их диалога, вот в чём беда. Не вижу людей масштаба АРУТЮНОВОЙ, ГАКА.

— Какие перспективы для науки, для высшего образования вы видите?

— К сожалению, сейчас никого не интересует содержание. Ни содержание наших занятий, ни содержание наших текстов. Высшая школа перешла в разряд спорта, где важны голы, очки, секунды. Не вижу перспектив при таком подходе. Перспектива — только всё это отменить. Наверху должно что-то измениться.

Но люди уже привыкли годами не думать о содержании, а только о количестве того, что они производят. Содержание даже раздражает, обижает, как было сказано. Но интересно, что и количества не много.

— Да, 2-3 статьи в год считается неплохо. А вы сколько пишете?

— 15-17 статей. Это не считая публикации в СМИ. Правда, сейчас я почти не пишу для СМИ. У меня были рубрики в газетах, на радио, и я действительно писала по 30 публикаций: 15 научных, столько же популярных.

— Сейчас вы ещё стали редактором научного журнала...

— Да, руководство НовГУ им. Ярослава Мудрого решило, что у нас должен быть собственный журнал, в перспективе скопусовский — «Verba. Северо-Западный лингвистический журнал». Я согласилась быть его главным редактором. Там скромные показатели — два выпуска в год, 10 публикаций в каждом. Летом вышел первый номер. Надеюсь, это будет интересно лингвистам.

— К авторам журнала нет требования писать по-английски? В Сибирском федеральном университете серия научного журнала «Гуманитарные науки» принципиально печатается на английском, чтобы статьи были более доступны международной аудитории.

— Мне давно присылали предложение написать в журнал СФУ. Я ответила, что не пишу по-английски. «Мы вас переведём». Боже упаси! Что в результате получится, я не смогу проконтролировать. В «Учёных записках НовГУ» одну мою статью перевели. Сын говорит: мама, это же почётно. Но я считаю, что это ужасная ситуация. ЛОМОНОСОВ вырабатывал язык российской науки, чтобы Россия была в научной сфере. А мы свёртываем всё, что было сделано для этого. Свёртываем научное присутствие русского языка в мировой науке, убиваем своими руками. Это не только не патриотично, но даже глупо. И если для физиков, химиков, биологов, экономистов это ещё возможно, то для русистов зачем? Те, кто в мире занимается русским языком, знают этот язык и читают на нём.

Я как-то писала в Томский университет статью про синтаксические скрепы «если не...» в предложениях типа «Это прекрасный фильм, если не шедевр». Сделала автоматический перевод аннотации, потом перевела обратно. Получилось, что я писала про «скрепки». В английском нет синтаксического термина «скрепки». Как вам это нравится?

Приложите труд

— Если бы вам предстояло как Бродскому или Стиву Джобсу выступать перед молодёжью с напутственной речью, какую истину вы бы передали?

— Боюсь назидательности и таких речей. Но я бы сказала: не по-

лагайтесь ни на чей опыт, приобретайте свой. Не бойтесь, главное, приложить труд. Приложите труд, и вам воздастся.

Сейчас ведь студент пошёл экономный. «Прочитайте 5 страниц» — «А можно три?». Как заметил один критик, вдруг пропало слово «трудолюбивый». А только труд даст радость жизни, других вариантов нет. Да, жизнь сейчас другая, но и на Фейсбуке можно умственно трудиться, думать над тем, что там пишут, отнюдь не всё там ерунда.

— Время, в которое мы сейчас живём, какое для вас?

— Жизнь на глазах нашего поколения очень обновилась — технологически. В то же время ожидания, которые связаны с этим обновлением, не оправдываются. Это самое печальное. Нам казалось, что когда все знания человечества будут в кармане школьника, то школьники будут подобны Леонардо да Винчи. А этого не происходит. У студентов не то что нет головокругительных знаний — они не знают элементарного. Вот задача времени: чтобы полученные нами технические возможности использовались, расширили наши знания.

Пессимизм присутствует и по другим поводам. Мы так гордились нашей страной в 1980-е, а теперь опять страх заполняет нашу жизнь. Люди боятся перепостить чужое мнение. Журналист должен писать текст и постоянно оглядываться, так ли его поймут.

В прошлом году я участвовала в суде над Светланой ПРОКОПЬЕВОЙ, псковской журналисткой, которая попыталась размышлять, почему произошёл этот ужас — студент техникума взорвал себя в Архангельске у дверей ФСБ. Ей инкриминировали оправдание терроризма. И военный суд решал, дать ей 6 лет тюрьмы или штраф. В результате присудили минимум — 500 тысяч штрафа, что можно считать нашей большой победой.

Значит, мы живём в другой стране, если можно полатиться за то, что ты написал или перепостил! Более того, без суда и следствия блокируют счета. Человек должен просто умереть с голоду. У той же Светланы Прокопьевой до суда были заблокированы все счета, и только раз в месяц ей позволяли с них заплатить за ЖКХ — государство же не должно пострадать. Конечно, коллеги ей помогли всё это время. Но ведь даже если человека в тюрьму сажают, его там кормят. А этот уровень негуманности меня поражает.

— Что для вас меняется с возрастом?

— Главное моё ощущение возраста — убавление сил. Мои жизненные аппетиты не уменьшаются, а возможности — увя. Я бы сделала и то, и это, а уже не могу. К тому же я не владею техникой отката. Мне говорят: как ты могла согласиться на четыре диссертации? Так вот: откаталась от пятой.

Кардиолог выговаривает: «Нельзя столько работать! Опять я видела вас на телевидении». Я обещаю, но понимаю, что не могу исполнить все обещания. Хотя писать десятки рецензий на публикации прекратила.

...Пока мы беседуем, на экране компьютера появляется кот, а с ним, конечно же, сюжет: «Как вам мой кот? Ему долго выбирали имя: Барсик, Мурзик. Я отвергла эту традицию. И назвала его Яндекс». У кого ещё есть кот с таким именем?

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА

Осень жизни: уроки оптимизма от доктора Красовской

Людям молодым покажется неправдоподобным, что можно быть счастливым на десятом десятке. Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач России и почётный гражданин Красноярского края Валентина Павловна КРАСОВСКАЯ считает, что такое вполне возможно, если настроить себя на позитив.

То, что это работает, подтверждает жизненный и профессиональный опыт нашей собеседницы. А он у неё огромный. Доктор Красовская была первой заведующей организованным с её участием детским хирургическим отделением 20-й больницы, 21 год заведовала кафедрой детской хирургии, возглавляла межобластную центр детской хирургии и была главным внештатным детским хирургом краевого отдела здравоохранения. А ещё 15 лет возглавляла в нашем крае общество «Знание».

«Главное – позитивный настрой. Тогда многое можно успеть»

Но как можно с одинаковым успехом совмещать профессиональную, общественную, преподавательскую деятельность, административную работу и семью? Тем более, когда профессия – хирург. Неужели ни одно из этих направлений не страдало? Валентина Павловна отвечает так:

– Страдало, конечно. Но хирургия, понятно, страдать не могла. А преподавательская, административная и общественная работа были накрепко с ней связаны. Более того, детская хирургия в то время напрямую зависела от успеха на этих направлениях. Я же начинала, когда в городе детской хирургии как таковой не было. Не было детских хирургов – их надо было учить. Не было помещения – его надо было построить. Добиться и того, и другого было возможно, обладая определённым авторитетом. А это в те времена давала общественная работа.

Поэтому, конечно, страдала семья. Поначалу, правда, не очень. И муж был рядом, и свекровь первые шестнадцать лет жила с нами. Всё-таки дети какое-то время были под присмотром бабушки.

Помогало и то, что я довольно рано села за руль. Руководство меня баловало – выдавало служебные «Волги» всякий раз, как подходил срок. Благодаря машине я многое успевала. К тому же о пробках мы и понятия не имели. Я успевала и дела сделать, и вовремя на сложный случай добраться, и быстренько магазины объехать. А вначале за продуктами ходила свекровь.

Вообще, если бы не она, не знаю, как бы я справлялась. Оперировала много. Все сложные случаи были на мне. У нас же в институте до начала шестидесятых был только лечебный факультет. Педиатрии не было. Детских хирургов готовили из взрослых. Я и сама первые 25 лет взрослым хирургом была. Оперировала всё, кроме сердца. Была и онкология, и ортопедия, и всё остальное. Тогда ведь не было такого разделения, как сейчас.

Почему всё же педиатрия? Ещё в ординатуре профессор Георгий Дмитриевич ОБРАЗЦОВ мне говорил: «Валечка, тебе бы надо педиатром быть». У меня хорошо получалось ладить с детьми. В краевой, где я тогда работала, все вместе были – и дети, и взрослые. И мне чаще давали детей. Я и сейчас общаюсь с женщинами, которых когда-то детьми оперировала.

Господи, сколько через мои руки прошло детей с тяжелейшими диагнозами! И они живут себе и живут. Уже состариться успели. Один случай был уникальный. Я о нём всегда как о чуде рассказываю. Девочке надо было и ногу убирать, и половину таза. Огромная опухоль в ягодичных мышцах. И седалищный нерв ею окутан. Решение принималось тяжело. Что ни делай – всё плохо. Всё же рискнула прооперировать берегательно. Сейчас этой девочке за шестьдесят. У неё уже внуки. Честно говоря, я сама удивляюсь. Вообще, я многому в своей практике удивляюсь.

Здесь надо сказать, что у истоков детской хирургии у нас в городе стояла Вера Филипповна ГЛИВЕНКО, которая была моим шефом. Она приехала из Москвы в середине пятидесятых и стала заведовать кафедрой хирургии. Это Вера Филипповна меня заставила заниматься детьми. Она же уговорила пойти в общество «Знание». Только потом я оценила её дальновидность. Сначала сопротивлялась.

В первой половине шестидесятых кафедру хирургии разместили в 20-й больнице, в хирургическом корпусе. Там было создано первое в Красноярском крае детское хирургическое отделение. Надо сказать, тогда никто не хотел браться за детскую хирургию. Не хватало буквально всего: помещения, специалистов, финансирования. А Вера Филипповна взялась. Я тогда уже в 20-й больнице работала и кандидатскую диссертацию защитила. Вот меня и назначили на должность заведующей детским хирургическим отделением. И как сложный случай с ребёнком, так звонок мне. Хорошо, я жила недалеко от больницы. Такси-то не всегда можно было поймать, особенно ночью.

Ночью вызовут, а утром лекция. Замены не было. Практические занятия, конечно, могут проводить ассистенты, а лекции – только доценты. Взять их тогда было негде. Так что работа была напряжённая. Сама не знаю, как выдерживала. К тому же и здоровьем похвастать никогда не могла. Сейчас как врач смотрю на себя и удивляюсь. По всем показателям я не должна была так долго жить. Болезней хватает. Но на себе убедилась, какие резервы вложены в наш организм. Надо просто научиться жить с тем, что есть. И радоваться. Вообще, главное – позитивный настрой. Тогда многое можно успеть.

На что у меня времени не хватило, так это на учеников. Не так много у меня защитили кандидатских и докторских. А ученики талантливые были. Конечно, темы подсказывала, с работы отпускала... Чего ещё? Остальные должны были сами делать. Так что сильно себя не ругаю. А вот что с наукой не доработано, сожалею. Научных работ у меня немного. Есть одна монография «Клинико-цитологическая диагностика опухолей в детском возрасте».

Вообще, я больше строительством занималась. В семидесятые годы пробивала корпус детской хирургии в 20-й больнице. Денег, как всегда, не было. Сидели со специалистами из «Красноярскгражданпроекта» и искали более-менее приемлемые варианты. В результате взяли типовой проект здания общежития и приспособили его к нуждам детской хирургии. Председатель крайисполкома ТАТАРЧУК ругался, но денег дал.

А когда детской хирургии передали трёхэтажный терапевтический корпус, я начала пробивать пристройку между ним и хирургическим корпусом. Тогда помог председатель крайисполкома В.В. ПЛИСОВ. Поэтому всё сделали быстро. Главный врач больницы Лев Семёнович БЕРЗОН стал, конечно, понемножку от неё откусывать. Предложил первый этаж сделать приёмной не только для детской, но и для взрослой хирургии. Но я воспротивилась. Согласилась только на общую реанимацию. Это тогда было оправдано – своих реаниматологов в детской хирургии ещё не было.

«Ни одной минуты на конфликты»

Казалось бы, после завершения строительства можно было успокоиться и мирно заниматься любимой хирургией в честном завоёванном пространстве. Но после защиты докторской в 1972 году Валентина Павловна возглавила кафедру детской хирургии, а в 1974 взялась за руководство межобластным центром. В 1978 стала главным детским хирургом края. Во многом благодаря ей в 1986 году в 20-й больнице был построен дополнительный корпус для детской хирургии, что позволило расширить клинику с двух до пяти отделений. Детские хирургические отделения были открыты и в ряде районных центров.

Способность проявлять такую активность Валентина Павловна объясняет наличием крепкого тыла — семьи.

— Мои родители приехали в Сибирь не по своей воле. Жили мы под Саратовом в большом селе Орлов-Гай. Папа был хорошим хозяином. Когда организовали колхоз, всё нажитое ушло туда. Председателем колхоза сделали человека «правильного» — хоть и алкоголика, но зато из бедных. Но надо же было кому-то и работать. Поэтому папу и назначили замещать этого правильного колхозника.

Папу сослали на три года, когда крестьян второй раз обложили налогом. Мы с мамой полтора месяца до папы добирались. Причём мы не просто уехали к нему, а бежали. Дело в том, что маму присмотрел какой-то начальник из органов и просил отказаться от мужа. Она решила бежать. Одно время мы жили в Канске. Рядом с нами был лагерь. Колючая проволока, вышки. Чтобы попасть в школу, надо было всё это обходить. Помню, мне было страшно, но со временем всё это как-то забылось. Потом была война, окончание школы, медицинский институт...

Замуж я вышла за врача. Он был старше меня на десять лет, воевал. Звали его Фридрих Викентьевич. Его предки были ополяченными белорусами. Их выслали в Сибирь после польского восстания ещё в XIX веке. Надо сказать, за мужа немного обидно. Обо мне много говорили и писали, а его имя не звучало. Хотя должно было: он работал в краевой санэпидстанции и с нуля создавал у нас вирусологию. И вообще был исключительно порядочный и добрый человек.

Когда мы поженились, жить стали со свекровью. У неё было трое детей, но она хотела жить только с нами. Почему? На войне мой муж был врачом, попал в плен. Когда ему удалось освободиться, его какое-то время проверяли. Потом всё же восстановили в звании офицера и опять отправили на фронт. Войну муж закончил в Берлине. Вроде всё обошлось. Но матери на него вручили похоронку. Можно представить, что с ней случилось, когда вернулся погибший сын. Она от него просто оторваться не могла. Я всё это понимала, а потому приняла как должное.

Наша совместная жизнь сложилась удачно. Не могу сказать, что со свекровью у меня была какая-то внутренняя связь, любовь. Но не было и противоречий. Потому и успевала, что ни одной минуты не уходило на конфликты. Ни у меня к свекрови не было претензий, ни у неё ко мне. Хотя ей придрачилось было к чему — домом мне заниматься было некогда. Я работала, работала, работала... И оправдания в виде хорошей зарплаты у меня тогда не было. Правда, раньше вообще эти разговоры и претензии в отношении денег в семьях не были приняты. Сколько есть — столько есть. А у нас было немного. Я же не сразу профессором стала. Надо было ещё диссертацию защитить — кандидатскую, докторскую. И я благодарна свекрови, что она позволила мне это сделать, полностью освободив от домашних дел.

Она была хорошей хозяйкой. Приготовить могла из ничего. И вкусно, и не дорого. А в те годы это было важно. Вообще, обычно женщины жалуются, что свекровь мешает. Я, наоборот, была рада — дома порядок, дети присмотрены. А на роль хозяйки в доме я и не претендовала. Я была вся в профессии.

Когда свекрови не стало, мне надо было бы уменьшить нагрузку. Но я продолжала жить как прежде. Дочери было шестнадцать, сыну девять. По сути, дочь какое-то время и была за маму. Вызывают меня среди ночи — и я полетела. Помню, как-то в Академгородке ребёнок напоролся на обломок сухой сосны, катаясь на лыжах. Вместе с частью той сосны его к нам и привезли. Боролась за его жизнь долго: день, ночь... Тут уже время не считаешь. Так что на своих детей времени оставалось немного.

Но они проблем не создавали — хорошо учились в школе, поступили в институты. Специально мы их не натаскивали и не воспитывали. Конечно, контролировали учёбу, смотрели оценки. Но особой необходимости в этом не было. Возможно, помогало то, что дети никогда не были свидетелями конфликтов: семья была мирная.

Надо сказать, в те годы у родителей была возможность спокойно работать, не переживая, что с детьми случится что-то плохое. Это сейчас детей приходится всюду сопровождать. А наши сами выбирали, чем заниматься, сами шли и записывались в какие-то кружки. Нас только ставили в известность. И в бытовом отношении были самостоятельными. Особенно дочь. Сын на семь лет её младше, и она за ним присматривала, заботилась. В результате она и готовит лучше меня, и домашнюю работу делает лучше.

Когда сейчас вспоминаю о том времени, думаю, что спокойствию в семье я во многом обязана мужу. Мы с ним были разные по характеру. Я активная, быстрая, любила путешествовать. А он домосед. Но всё равно мы с ним и на Столбы ходили, и летом на плотках сплавливались, и к морю отдыхать ездили. По моей инициативе, конечно. А для него счастье — это кресло и я рядом. Если я в кухне, то и он в кухне. Сидит, газету читает, немножко помогает. Мы ведь мало были вместе — всё время работа. Так что эти часы и минуты ценили. Очень, очень жаль, что он рано ушёл. В 62 года его не стало.

«Тогда люди не ждали, что кто-то придёт и сделает им хорошо»

Поколению, к которому принадлежит наша беседа, времени на взросление было отпущено не много. И так как эпоха акселератов ещё не наступила, у станка этому поколению приходилось стоять, взобравшись на ящик. Да и до войны им было чем заняться.

— Себя я помню лет с четырёх. Мама рассказывала: «Шёл сенокос. Мы косили, копнили, а тебя просили водички ключевой принести. И ты бегала через лесок». Я это хорошо помню. И помню, что было страшновато — а вдруг волк? Но мне нравилось бегать за водой. Это же настоящее дело!

Вообще, я с детства любила работать. А работать приходилось много. Мне шёл пятый год, когда мы с мамой строили глинобитный домик. Помню, как прыгала, размешивая ногами глину с навозом. Помню, как складывали печь, как копали землю. Я в детстве много какую мужскую работу освоила. Мама слабенькая была. Юра, брат, говорил: «Мама, когда вырасту, буду тебя булками кормить». — «А где же ты их возьмёшь?» — спрашивала мама. «В стОле», — отвечал маленький братик.

Когда началась война, мне было 14 лет. Исполнилось за четыре дня до 22 июня. Так что в нынешние «дети войны» я не попала. Мы и тогда детьми не считались. Я работала на станке, как взрослый мужчина. На станке и кончик пальца себе обрезала. Но кусочек кожи остался, и я всё прилепила на место. Это была моя первая операция. Палец некрасивым, конечно, остался, но главное — потом работать не мешал.

Вот сейчас много говорят о повышении уровня жизни. Это хорошо. Но никакие губернаторы и президенты ничего без нас не повысят. Когда по телевизору вижу эти домишки с покосившимися заборами... Здесь-то какого уровня не хватает? Нет денег на гвозди? Ну, вытаци старый и распрями. Когда-то я этих гвоздей столько вбила. Тогда люди не ждали, что кто-то придёт и сделает им хорошо. Брала и делала из того, что есть.

Да, жизнь приучила работать. Да так, что никак не могу остановиться. Когда ушла на пенсию, в 1991 году организовала своё предприятие. Получила. Самых хороших специалистов приглашала и цены держала умеренные. Пациенты были довольны. Один раз, когда мне было уже под девяносто, попыталась уйти с директорства. Уговорила дочь этим заняться. Она к тому времени тоже на пенсии была. Вообще-то она начинала хирургом. Но ушла в вирусологию, когда родила второго сына. Сказала, что не может больше в полную силу работать в хирургии, а по-другому не хочет.

Получилось, что на неё бабушек не хватило. Я даже сейчас, в девяносто пять, от работы не могу оторваться. Хотя какая уже это работа. При моих травмированных позвонках я должна бы в постели лежать. А я вот ещё что-то делаю и даже опять руковожу. Уговорили. Правда, руковожу из дома. До коронавируса я сама ездила, а сейчас видеока-

меры помогают. У меня на планшете вся информация. С утра сажусь и всё вижу. Недавно обнаружила, что пациент у нас без маски сидит. Тут же позвонила.

Маску носить, конечно, надо. И вакцинироваться обязательно надо. Мы с дочерью, как только привезли вакцину, сразу привились. Не понимаю, чего люди боятся. Можно подумать, им никогда никаких прививок не делали. Это же просто дикость какая-то.

«Надо принимать то, что есть, и радоваться, что живёшь»

Медицинскую тему хочется продолжить, раз есть возможность поговорить с врачом, которому девятно пять. Тем более, что Валентина Павловна, в отличие от многих более молодых, и здесь настроена позитивно:

— Возрастные изменения неизбежны. Но я же не поставлю себе новые суставы, новый позвоночник. Так какой смысл ныть и причитать? Что есть, с этим и надо жить. Да, бывает плохо. И практически каждый день. Но как-то приспособливаешься, знаешь, чем снять боль. Надо принимать то, что есть, и радоваться, что живёшь. Да, я многого не могу, чего бы мне хотелось. Ну и не надо!

А по большому счёту я живу так, как хочу. Скажу честно, не хотела бы вернуться назад. Слишком много всего было. Конечно, мне помогает то, что я врач. Когда мне плохо, я чётко понимаю, почему это так и что надо сделать. Но всё же больше помогает оптимизм. Тем более всё необходимое у меня есть, даже могу себя время от времени побаловать. Конечно, можно и больше иметь, но зачем? Это бы счастья не добавило.

«*Сейчас мне в чём-то даже лучше живётся, чем прежде. Спокойнее. Стараюсь собой никого не нагружать. Но всякое бывает. Вот недавно что-то с планшетом произошло. Сама справиться не смогла и позвонила внуку. Он хоть и рядом живёт, но работает с утра до поздней ночи. Но пришёл, наладил.*»

Планшет меня очень выручает. Я стала плохо видеть, а на планшете буквы можно увеличить. Вообще, в наше время много возможностей для того, чтобы приспособиться. Так что я довольна. Дочь живёт в этом же доме и заботится о том, чтобы я была сыта. Конечно, детей и внуков хотелось бы видеть чаще. Но когда-то детям моего внимания тоже не хватало. Так что всё правильно. Все работают. У всех семьи. У меня уже правнуки есть. И я себе сказала: «Бабушка, ты успокойся. Какое тебе ещё внимание? Все при деле, у всех своя жизнь. Чего ещё желать?»

Да и внимания мне, вообще-то, хватает. Звонки весь день. Если бы внимания было больше, это бы утомляло. И мне есть чем заняться и чему радоваться. Я очень люблю природу, есть дача. Не огород, а кусочек леса. Все деревья, какие там были, я сохранила. Кое-что облагородила, посадила можжевельники, туи. Дорожку мне сделала, из ручья водопад устроили. Получился кусочек тайги с благоустройством. Соседи теперь водят ко мне на экскурсию гостей. И мне радостно, что кто-то это увидел и порадовался.

Вообще в жизни много такого, что радует. В любом возрасте. Конечно, с годами этот список начинает стремительно сокращаться. Но в него надо быстренько вносить то, на что прежде не хватало времени. Даже тем, у кого не было никакого хобби, есть чем заняться. Можно семейный архив в порядок привести. У младших поколений до этого руки не доходят, а потому они будут благодарны. Можно воспоминания семейные писать. Тоже потом внукам-правнукам будет интересно. Но лучше всего — общение с природой. Она у нас замечательная. Помню, моя мама говорила: «Доченька, какое счастье, что мы здесь оказались. Какая здесь красота!». Вот с этой красотой и этим счастьем я и живу.

Текст _ Людмила АБРАМОВА

Анатолий Иванович МАТЮШЕНКО — советник губернатора Красноярского края, кавалер ордена «Знак Почёта», «Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства России», лауреат Всероссийских конкурсов «Инженер года-2006», «Инженер года-2011», доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой инженерных систем зданий и сооружений СФУ. Награждён Орденом Серафима Саровского.

Забота наша простая...

«Профессия инженера предоставляет творческую свободу больше, чем какая-либо другая. Она даёт наивысшую степень профессионального удовлетворения, способствуя развитию личности в самом положительном смысле этого слова». (Из материалов Всемирного съезда инженеров)

Вода, свет и тепло — такие привычные, такие необходимые для жизни достижения цивилизации, что кажется, они были всегда. Но это далеко не так: лишь в декабре 1913 года был построен водопровод, переведя Красноярск в разряд «культурных городов». А чтобы вода пришла в дома красноярцев, понадобилось ещё более тридцати лет.

Первая лампочка зажглась в октябре 1891 года в особняке известного купца и золотопромышленника Николая ГАДАЛОВА. И до самой Великой Отечественной войны электроосвещение в домах красноярцев было роскошью.

Отопление в частных домах было печное, в многоэтажных — от малых котельных. И только построенная во время войны ТЭЦ-1, вступившая в строй 16 мая 1943 года, положила начало обеспечению предприятий и жилых домов теплом и горячей водой.

Ещё сложнее дело обстояло с канализацией: только в 1959 году она стала централизованной!

Анатолий Иванович Матюшенко — личность многогранная. Технар — по образованию, коммунальщик — по многолетней должности, учёный и преподаватель — по призванию, государственный — по зову сердца.

Когда человек обладает такими неординарными качествами, трудно выделить главные: в разные периоды жизни на первый план выходят те, что требуют профессия и время.

Но определяющим качеством всегда была и есть ответственность.

— «Все мы родом из детства» — считал Зигмунд ФРЕЙД. И это правда. Малая моя родина, где каждый человек на виду и потому дорогого стоит доброе имя, навсегда воспитала во мне уважение к труду, каким бы он ни был, и личную ответственность за свои поступки. Уже нет моих родителей, светлая им память, а я до сего дня больше всего боюсь подвести их. И всем своим делам и поступкам неосознанно даю оценку: как же мама на это посмотрит, что сказал бы мне отец?

— Где эта милая вашему сердцу малая родина?

— Маленький провинциальный городок Бо-

готол в Красноярском крае, куда семья мамы из Белоруссии переселилась по Столыпинской реформе. И мама, и отец были участниками Великой Отечественной войны. После войны мама вернулась домой. Отец, лишившийся ноги после тяжёлого ранения в боях под Ленинградом, на санитарном поезде прибыл в Красноярский госпиталь, откуда был направлен в Боготол в созданную для фронтовиков-инвалидов трудовую артель. Молодые люди встретились, в 1946 году поженились, через год я родился.

— Ваше послевоенное детство, какое оно?

— Сколько себя помню, я был вовлечён во всё, происходящее в семье: посадка, уборка урожая, уход за живностью, воды натаскать на коромысле или привезти на санках, расчистка снега зимой — тогда огромные сугробы были. Да ещё отцу помогать в его сапожном деле: шпилечки наколоть, дратву насучить. Отец главным обувщиком был, никому в ремонте не отказывал. Время было бедное, люди редко покупали обновки, латали и донашивали старое. Первые ботинки мне купили, когда в девятый класс пошёл. А вот книги и журналы часто покупали и много читали, много разговаривали о прочитанном. В дружной семье был лад и покой. Может, поэтому и учился хорошо, успевал и спортом заниматься, и общественной работой.

— В школу свою наведываетесь?

— Стараюсь по возможности, помогаю финансово и организационно. Но время спрессовано так жёстко, что на многое его не хватает. Вот в этом году моему Политехническому институту исполняется 65 лет, хлопот в связи с подготовкой к юбилею немало, но и радости от встреч с однокурсниками и коллегами прибавилось!

— Как Красноярский политехнический появился в вашей жизни?

— Это я в нём появился и остался навсегда: сначала как студент; потом как выпускник, имеющий поддержку в лице своих учителей; потом как начинающий учёный, теперь как профессор, преподаватель. Мой второй дом.

А началось всё в 1964 году с поступления на специальность «Промышленная теплоэнерге-

тика» теплоэнергетического факультета КПИ. Годы учёбы в Политехе, несмотря на постоянные подработки, — лучшие в моей жизни. Знающие, требовательные преподаватели; спортивные и культурные мероприятия, которые сам и организовывал; стройотряды, в том числе связанные с будущей профессией; первые пробы себя в науке. Ну, и первая любовь, конечно!

— Жалко, что студенческая жизнь кончается...

— Окончание одного — всегда начало чего-то другого. Распределили меня на Судостроительный завод «КАМА» в город Пермь. Назначили сменным мастером, потом повысили до старшего мастера цеха. А в 1970 году в моей молодой семье родился сын Павел.

В 1973 году по существующим в те времена правилам меня призвали в армию, в Ленинградский военный округ. Службу начал командиром взвода в танковом полку, а закончил секретарём полкового комитета комсомола. Мне предлагали продолжить военную карьеру, которая была и престижнее, и более обеспечена финансово, чем должность рядового инженера, но я отказался — меня влекла инженерная деятельность, технологические процессы, тянуло в мир познания. И я с семьёй вернулся в Красноярск.

— С семьёй в город, где нет жилья, родных и работы?

— Выручил товарищ по политеховскому комсомолу Роберт КИМ, который работал начальником отдела кадров КраМЗа. Приняли на завод и меня, и жену, помогли с жильём. Повезло и с руководителем, главным энергетиком был Владимир Иванович МОЛОДАН. За семь лет я вырос от инженера до заместителя начальника цеха.

Работы было много, быт не устроен, родилась дочка Наташенька, но я выкраивал время, в основном по ночам, для занятия наукой. Ведь если какая-то идея сверлит в уме, то над решением думаешь при каждом удобном моменте, порою для развития мысли хватает места и времени в переполненном автобусе, когда везёшь сына в детсад.

Завод строился, вводились новые цеха и инженерные системы, внедрялись новые технологии. Остро стоял вопрос очистных сооружений,

необходимых для «вредного производства». Руководство, зная о моей связи с Политехническим институтом, поручает мне возглавить эту работу.

Всё было внове, профильных специалистов не было. Обратился за помощью к своему давнему знакомому Борису Фёдоровичу ТУРУТИНУ, заведующему кафедрой водоснабжения и канализации КПИ. Симбиоз науки и производства дал блестящий результат: были запущены очистные сооружения, на которых проводятся научные эксперименты по повышению качества работы, проходят практику студенты и выполняются дипломные работы, собираются материалы для кандидатских диссертаций.

— Наверняка такой успех в общем-то молодого человека не остался незамеченным?

— Да, в 1980 году я был приглашён руководством горисполкома на работу главным инженером в красноярский «Водоканал».

— Это повышение?

— Скорее, большая ответственность. Сложно было принять решение. В таких ситуациях я всегда советовался с мамой, поехал в Боготол. К маме, которая была главная в семье и пользовалась большим авторитетом у горожан в силу природного ума и мудрости. Но на этот раз она мне сказала: «Решай сам». Возвращался я в тяжёлых раздумьях. На одной из станций в электричку вошёл мужчина и, несмотря на то, что вагон был почти пустой, сел напротив меня. Мы ехали молча. Он на меня внимательно посмотрел, сказал: «Ты всё сделаешь правильно!». И на следующей остановке вышел. Я до сих пор не могу объяснить появление этого человека в моей жизни. Но решение принял, как выяснилось через многие годы, правильное.

— Вам тогда было всего 33 года, а предстояло отвечать за весь город с населением без малого 800 000 человек. Не страшно было?

— Чтобы понять, на какую работу меня зовут, надо представлять состояние городского хозяйства того времени: износ сетей до 75 %; большая аварийность при нехватке автотранспорта и техники для ремонта — один на ладан дышащий экскаватор на весь город; регулярно топило канализацию. Каждое утро начиналось с вопроса: где? Во многих районах жители неделями испытывали дефицит воды. В Студенческом городке, например, вода не поднималась выше второго этажа.

— И где же был «Водоканал»?

— «Водоканал» был на месте. Дело в том, что значительная часть сетей находилась на балансе промышленных предприятий, это мешало оперативной работе по устранению аварий.

Первым делом надо было реконструировать и расширить практически все существующие водозаборы, построить новый водозабор в районе Академгородка в Гремячем логу. Необходимо было срочно принять с балансов предприятий очистные сооружения и реконструировать их, построить новые канализационные коллекторы в обеих частях города.

Главное, мной была создана цеховая структура управления производством! Если честно, с той поры я наизусть знаю расположение всех сетей в городе. Карта города вместе с дорогами, мостами, всеми коммуникациями всегда передо мной. Да, на этот опыт ушло много сил и времени, но сложилась стройная система планового и предупредительного ремонта. И уже 22 экскаватора готовы были по первому зову отправиться на место аварии.

— Но это же целая революция?! Получается, что именно ваш подход к организации жизнеобеспечения города сделал то, чем мы все пользуемся?

— Не только мой! Прежде, чем раздавать воду, надо её добыть. Усугубляло ситуацию отсутствие специалистов. Снова пришлось обратиться к науке: вместе с Б.Ф. Турутиным доискались до главной причины дефицита воды в городских сетях (сказались гидрокриологические изменения в режиме Енисея после строительства Красноярской ГЭС, они и привели к снижению мощности водозаборов). Результаты совместной работы легли в основу проектирования новых мощностей водозаборов Красноярска и других территорий края. Благодаря Программе развития водозаборов наш город имеет большой запас мощности и может «напоить и обогреть» до полутора миллионов человек.

— Эти труды высоко оценены: в 1987 году вас наградили орденом «Знак Почёта».

— Высокая награда. Однако для получения более стабильных результатов надо было объединить все жилищно-коммунальные предприятия города. В 1989 году было создано многоотраслевое объединение «Горжилкомхоз», которое я и возглавил. Цель, поставленная мной, была достигнута, и я с лёгкой душой перешёл в проектный институт «Водоканалпроект», чтобы заняться научной и проектной деятельностью. Тем более что «перестроечные» времена требовали социально-экономических преобразований и поиска новых форм управления.

Реформы тяжело отразились на жилищно-коммунальном хозяйстве города. Денег в бюджете не хватало, население принимало «в штывки» новую тарифную политику, а надо было ещё создать новое предприятие по теплоснабжению. Нужны были инвесторы! Благодаря нарабатываемым связям я мог их привлечь, и, чувствуя личную ответственность, принял предложение возглавить департамент городского хозяйства.

Многие элементы реформирования в Красноярске стали примером для других городов края и России. Мы охотно делились опытом в «Ассоциации сибирских и дальневосточных городов». В администрации города мной было создано Управление энергетики и энергосбережения. Первое в России, ноу-хау, как говорят сейчас.

— Наука опять отодвинулась?

— Нет, всё шло параллельно: практический опыт и теоретические знания оформились в 1996 году в кандидатскую диссертацию, а в 2000-м — в докторскую. В процессе подготовки к защите диссертаций сформировалась научная школа и создано новое направление — исследование гидрокриологических процессов при строительстве и эксплуатации инженерных сетей водоснабжения и водоотведения. Работы были оценены присвоением звания «Заслуженный инженер России».

Весна 2002 года отмечена окончанием Красноярского государственного технического университета теперь уже по специальности «Экономика и управление на предприятиях», а осень — переходом в команду губернатора края А.Г. ХЛОПОНИНА для решения задачи реформирования ЖКХ в крае. Меня назначили директором Управляющей компании ООО «Красноярский жилищно-коммунальный комплекс» — «КрасКом»

— Новая ступенька на лестнице власти — что она дала?

— Много работы, много заботы и свободу! Власть даёт возможность управлять экономическими и политическими процессами на более высоком уровне, поэтому я принял участие в избирательной кампании 2004 года и, опередив 11 кандидатов, стал депутатом Красноярского городского совета.

Уже через два года реформа приобрела ожидаемые контуры, но предстояло ещё много сделать. И не только в краевом центре: люди, которые живут и работают в нашем северном регионе, достойны комфортных условий! Поставлена задача реформировать ЖКХ на всей территории края. Новый круг ответственности требует новых свобод для принятия решений. И я снова иду на выборы, на этот раз в Законодательное Собрание Красноярского края. С 2011 по 2016 год возглавляю в ЗС комитет по промышленности и вопросам жизнеобеспечения, под контролем которого, кроме привычных вопросов ЖКХ, реализация программы развития Ангаро-Енисейского промышленного узла, концепция развития авиатранспортного комплекса края, приоритетные направления научной, научно-технической, инновационной деятельности и многое другое. В 2012 году мне присвоили звание «Заслуженный работник ЖКХ».

— Известно, что при вашем активном участии было построено 5 храмов. Вы верующий человек?

— Ровно настолько, насколько может верить человек, прошедший курс атеизма и марксистско-ленинской философии.

— Тогда чем объясняется ваше усердие? Вы ведь даже орденом Серафима Саровского награждены.

— Я много путешествовал по нашему краю и видел полуразрушенные церкви, заброшенные, но с чертами былой красоты. Было жаль, что стирается, уходит наша история. И когда в 90-е годы началось возвращение православия, стали общими усилиями возрождаться и малые деревенские церквушки, и большие храмы, я захотел в этом поучаствовать.

Мои знакомые строили маленькую кирпичную церковь около Торгового центра, я не остался в стороне и внёс посильный вклад в её строительство. При возведении храма Рождества Христова (на Щорса) средства понадобились более солидные. Я к тому времени имел деловые отношения со многими производителями и начинающими бизнесменами, предложил им стать меценатами, и храм Рождества Христова — белокаменный красавец изумительной архитектуры — был построен на радость всем жителям города.

Когда видишь такую красоту и осознаешь свою к ней причастность, то меценатство становится твоей необходимостью. Потом был храм Александра Невского в моём родном Боготоле, храм в Балахте, все — белоснежные с синими крышами и золотыми куполами.

— Если бы вам предложили составить свод заповедей, какая была бы первой?

— Не проходи мимо чужой беды, если можешь помочь!

С 2016 года А.И. Матюшенко — советник губернатора Красноярского края. И у него снова много дел, он по-прежнему нужен людям. Землякам, которые присвоили ему звание «Почётный гражданин города Боготола»; красноярцам, для которых он всегда был и остаётся Главным Коммунальщиком; политехникам, избравшим его в Президиум Ассоциации выпускников КПИ-КГТУ; студентам и аспирантам, которых готовит к будущей работе на благо города.

БЛИЦ

Что инженер умеет делать дома? Всё, кроме котлет.

Чем заполнен ваш досуг? Если есть время, случаются походы в театр, на концерт. Зимой — на снегоходе на рыбалку, а до Приморска — с ветерком по трассе. Книжки люблю военные.

Какие изменения в Красноярске вас радуют? Снос ветхого жилья, переселение людей в дома с комфортными условиями. Город становится более современным.

А что огорчает? Увлечение высотками, теснота застройки. Высотки трудно снабжать водой, теплом: если отключается электричество в районе, то житель высотки лишается сразу всего — света, воды, тепла. А житель пятиэтажки только сидит в темноте.

Какая проблема, на ваш взгляд, стоит особенно остро в Красноярске? Проблем много, основных две: транспорт и газификация. Транспортная проблема особенно остро стоит в отдалённых от центра районах: людям долго добираться до работы, впустую расходуется время, да и здоровье. Качество дорог оставляет желать лучшего! Хорошо хоть для регулирования движения вводятся «умные» светофоры, которые анализируют поток машин и сами решают, какой свет включать.

Другая проблема — газификация жилых районов с малоэтажной застройкой. Большая доля в загрязнении нашего неба приходится именно на эти районы. Дыма и копоти добавляют и крупные грузовые автомобили. Решение проблемы — переход на газ.

Вырастили вы себе инженерную и управленческую смену? Талантливых людей достаточно! Опыт, профессиональная подготовка, забота о своём городе довершат становление специалиста.

факты

● «КрасКом» поставляет в дома красноярцев не только чистейшую воду, которую можно пить прямо из крана, а ещё свет и тепло. На балансе предприятия находятся семь малых котельных, более 263 километров тепловых сетей и тепловые пункты.

● В зоне ответственности «КрасКома» также находятся более 695,7 километров электрических сетей и 278 распределительных устройств и подстанций.

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Юрий Подопригора: книга странствий

Я оканчивала школу в восьмидесятых. Старший брат к тому времени уже был молодым учёным, и каждую пятницу у него дома собиралось «избранное сообщество» — аспиранты-биологи, историки, молодые врачи, музыканты. Это были не просто дружеские посиделки, а именно тематические «пятницы». Кто-то один готовил выступление, все вместе горячо его обсуждали. Эволюция, культура, геология, новые книги — помню, как гости спорили о происхождении человечества, доказывая друг другу свои версии. На горе за окном возвышалась часовня, лаяли качинские псы, деревянный Красноярск под горой светил редкими фонарями. Они успевали погаснуть: разговоры затягивались почти до утра. Идти в школу после такой ночи было тяжело, но ни за что на свете я не променяла бы «пятницу» на сон.

Те встречи всё время вспоминались мне во время разговора с Юрием ПОДОПРИГОРОЙ — организатором сразу четырёх сообществ Красноярска, которые дарят людям нечастое сегодня живое интеллектуальное общение, — Лиги Странников, Лиги знаний, Лиги делового чтения, Лиги личностного развития. Собирать людей вместе и нести им новое знание — то, что сегодня занимает сердце и ум моего собеседника. О том, какой путь позади и куда его ведёт дорога сегодня, мы поговорили за чашкой кофе.

— Юрий, у вас физическое образование. Принято считать, что оно даёт фундаментально правильный взгляд на мир — и физики больше других преуспевают в самых разных областях. Чем вам помог физфак и почему вы всё же не стали работать по специальности?

— С выбором образования у меня вопросов не было: мой отец — учёный, физик. Мне кажется, в той системе ценностей физика была чем-то почётным и общественно важным. А точные науки всегда давались мне легко, вот я и пошёл на физфак КГУ.

А ещё тогда для старшеклассников работала Красноярская летняя школа. Там я оказался на экономическом отделении и с большим трудом перевёлся на физмат, будучи уверен, что считать деньги — не моё. А вот физика! Это же базовое знание об устройстве мира, философия, основа для критического мышления!

Кстати, критического мышления в обществе сейчас сильно не хватает. Не хватает умения отличить причину от следствия, увидеть корреляционные связи. Правят бал гуманитарии, «лирики», но мне кажется, перекося в эту сторону — не совсем верно. Всё равно что научиться управлять правой рукой, не пользуясь левой. На мой взгляд, обе «ветки» интеллекта должны развиваться в равновесии.

Почему тогда после вуза я не стал физиком? Потому что ещё в студенчестве осознал, что не буду учёным. Взаимодействие с людьми мне нравилось гораздо больше, чем с приборами. В студенчестве я пришёл в ту же КЛШ и «Школу космонавтики» как педагог, преподаватель. Затем шагнул дальше. В 1990-е, в начале моей профессиональной деятельности, я вместе с друзьями основал «Региональную авторскую школу»: мы ездили по районам края и помогали выпускникам готовиться к экзаменам в вузы. Но потом появились тесты, ЕГЭ, и такая подготовка потеряла смысл.

Вообще, сразу после университета я пошёл в аспирантуру: сначала по физике, затем перевёлся на педагогику. У меня были хорошие учителя: академик Василий Фёдорович ШАБАНОВ, глыба, человечище. Он был научным руководителем ещё у моего отца. Я занимался исследованием жидких кристаллов, тогда это был передний край науки. А в аспирантуре по педагогике учился под руководством выдающегося практика Исаака Давидовича ФРУМИНА.

Но диссертацию так и не защитил. Помните это время? Я хорошо запомнил, как однажды утром все мы проснулись в другом мире. Наступил 1992 год, цены «отпустили», и моя аспирантская стипендия вдруг оказалась эквивалентна цене килограмма сливочного масла.

Все тогда крутились как могли. Помню, как ехал домой на маршрутке и не понимал, на какие деньги смогу утром поехать на работу. Но как-то всё же выкарабкались.

А многие ребята, которые решили тогда остаться в науке, уехали в Америку, Германию, Австралию — талантливых молодых учёных России расхватывали как горячие пирожки.

— Вы остались в стране, остались в городе. Кстати, не было мысли переехать в Москву?

— Много раз думал о переезде гипотетически, но перед реальным выбором стоял лишь однажды. Школу я окончил с золотой медалью, университет — с красным дипломом. Побеждал в олимпиадах, учился в заочной физматшколе при московском физтехе, а затем успешно сдал в этот вуз вступительные экзамены. Но остался. До сих пор этот выбор кажется ключевым в жизни.

— Итак, в 90-е вы бросили аспирантуру и ушли — куда?

— В рекламно-издательский бизнес. И занимался им больше 20 лет, причём в какой-то момент достаточно успешно. У нас было 12 печатных изданий, рекламные агентства, курьерская служба. Выпускали газеты о недви-

жимости, автокаталог, бесплатную газету «Всё в дом», деловой журнал «Сфера влияния». Если подсчитать, было запущено не меньше 35 проектов, просто выстрелили далеко не все.

Ну, а потом всё закончилось. Мы с партнёром упустили момент, когда реклама ушла в интернет. Начали развивать это направление, но было уже поздно.

— **И в вашей жизни начался новый этап.**

— Как писал кто-то из великих, Умберто ЭКО или БОРХЕС, точно не помню, — в хорошем сюжете вообще нет случайностей, все события последовательно вытекают одно из другого. Мир изменился, а мы не успели измениться вместе с ним. Значит, было что-то внутри нас, что помешало увидеть перспективы. Наверное, накопились противоречия, кризис середины жизни, когда теряешь деловую хватку. В общем, мы ситуацию с интернет-рекламой проспали. С бывшим партнёром по бизнесу до сих пор дружны, много общаемся, но до сих пор не поняли, как и почему такое случилось.

— **И что было дальше?**

— Вначале, конечно, было тяжело: будучи на виду, имея полгорода знакомых и репутацию небедного и успешного человека, у которого есть всё — достаток, бизнес, некоторое влияние, — почти сразу остаться без этого, уйти из публичного пространства.

В какой-то момент удержаться адекватность помогла йога.

— **Как вы открыли это для себя?**

— Случайно. У меня болел позвоночник, я раньше пробовал заниматься йогой, но не шло. А тут в 2017 году, будучи не в состоянии от боли поднять руку или присесть, шнурки завязать, пришёл в спортзал утром пораньше. Чисто на дорожке походить, больше ничего не мог. И непонятно с какого перепугу заглянул на йогу. Начал ходить, стал разбираться в вопросе и понял, какой разной йога бывает. Затем повезло попасть на курсы к выдающемуся йогатерапевту Сергею Николаевичу АГАПКИНУ. Посетил десяток семинаров, на них узнал, как работает эта техника применительно к опорно-двигательному аппарату. И, в общем, научился себя оздоравливать.

А потом захотелось делиться этим знанием с другими. Я снова ощутил, что нести знания — это моё призвание, и не надо от этого отказываться. Сейчас у меня две группы в клубе «Шанти», вечерняя и утренняя. Конечно, это начальный уровень, но есть ученики, с которыми мы вместе уже три года.

— **Йога для вас только способ оздоровления или ещё философия, мироощущение?**

— Это сложный вопрос. Обычно я говорю, что я «физкультурник», изучал йоготерапию и всё, что предлагаю — делать упражнения, чтобы освободиться от боли, двигаться свободнее, улучшить состояние тела. Но философскую часть никуда не денешь, и даже если ты не веришь в это, она в твоей вере не нуждается. Йога помогает измениться внутренне, хочешь ты того или нет.

— **А вам йога помогла измениться?**

— Мне кажется, самые большие изменения в моей жизни начались раньше. После первой поездки на Алтай в 2012 году. Про такие края говорят «место силы». Так вот, там я никаких сверхъестественных ощущений не испытывал, но по возвращении всё начало волшебным образом меняться, и не всегда в добрую сторону.

Я написал историю о нашем путешествии, приложил фотографии и отправил на конкурс фестиваля путешественников «56 параллель» в Томске. Завоевал там специальный приз, и стало интересно сделать такой фестиваль в Красноярске. Затем съездил в Новосибирск на «Шоу историй» и решил совместить два формата. Так родилась Лига Странников. На первой встрече Лиги я рассказывал о своём путешествии на Байкал, а Наталия МЯЗИНА, хозяйка чайной юрты, — про Абхазию. Друг другу, потому что слушателей тогда было ровно ноль.

Собиралась Лига в разных местах. Приходили люди, которые интересовались путешествиями. Я подбирал в рассказчики тех, чья история была чем-то большим, чем описание страны или города. За нарративом всегда должна стоять эволюция героя, его личная история. Мы сделали первый фестиваль на энтузиазме, кто-то напечатал футболки, кто-то нашёл призы. Это был 2018 год.

А в 2019 году созрела ещё одна идея — Лига делового чтения. Собираются предприниматели, рассказываем о прочитанных бизнес-книгах. Люди получают возможность знакомиться с этой литературой, экономя своё время. В 2020-м, конечно, развитие этих проектов остановил ковид.

— **Вы не перенесли встречи в интернет?**

— Нет, и сейчас не хочу этого делать. Живое общение не заменишь ничем. В интернете немало подобных проектов, трэвел-блогов, лекториев, курсов. Но задача именно собрать людей «вживую».

Сейчас у меня четыре лиги. Странники — с историями путешествий. Делового чтения — с пересказом книг. Лига личностного развития — новый проект, который мы делаем вместе с замечательным психологом Верой ВЫСОЦКОЙ. Выбираем проблему, она даёт комментарии с точки зрения психологии, а я подбираю спикеров с житейскими ситуациями. Ну и четвёртая лига — Лига знаний. Она проходит под патронажем «Норникеля», у них уже несколько лет действует такая же «Обогащительная фабрика» в Норильске. Суть состоит в том, чтобы приглашать в Красноярск интересных собеседников. Например, к нам уже приезжала писатель Татьяна ТОЛСТАЯ и спортивный комментатор Георгий ЧЕРДАНЦЕВ, 20 октября будет полиглот, лингвист Дмитрий ПЕТРОВ, который знает девять языков. Хочется, чтобы на встрече с ним пришла университетская публика.

— **Как она и другие желающие узнают об этих планах?**

— У меня есть группы в «Фейсбуке», «ВКонтакте», канал в «Телеграме» (легко найти по названию «Лига Странников»). Но проекты становятся масштабнее, и, конечно, нужно их продвигать. Недавно я рассказывал о Лиге знаний на ТВК, планируется широкое продвижение в СМИ и сетях. Хотелось бы, чтобы люди не пропускали интересные встречи.

— **Где проходят лиги?**

— Лига знаний — в МВДЦ «Сибирь», там уютный и удобный зал, который вмещает больше 200 человек. Из-за ковида заполнять его разрешается только наполовину. Странники традиционно собираются в баре «Лошадка», Лига делового чтения наша себе идеальное пристанище — «Английский клуб», а Лига личностного развития — «Квартиру академика».

Прошлой осенью, когда началась вторая волна коронавируса, я решил прикрыть проекты ещё до официального запрета, чтобы не создавать риски. Но мне кажется, так можно просидеть в подполье до конца жизни. Люди ведь созданы для того, чтобы встречаться! Как говорил Иисус: «Там, где вас двое, Я третий с вами». Общение людей — это уже что-то от Всевышнего. Сейчас, к счастью, есть вакцинация, с которой ковид не опаснее гриппа. Так что мы встречаемся снова.

— **Можно сказать, сколько людей входит в Лигу Странников? И как по-вашему, Красноярск — маленький город?**

— Ядро сообщества — это около 500 человек. А Красноярск очень маленький, хотя и имеет большой потенциал: тут и научная школа, и СФУ, мощная деловая элита, много интересных событий в культуре, спорте, инициативных людей, молодёжь что-то творит. Другое дело, что есть вещи, которые сбавывают только на определённом масштабе. К примеру, самолёт может взлететь только на конкретной скорости. Так и город — чтобы генерировать внутренние ресурсы для своего развития, он просто должен быть больше физически.

«*Наша проблема в том, что концентрация интеллектуальных и других похожих ресурсов в Красноярске выскокая, но чисто количественно этого мало для самодостаточности. Поэтому постоянно нужно что-то ещё извне.*»

— **Волшебный пинок.**

— Да, как Универсиада, например — вливание мозгов, денег, идей. А чуть остались одни — снова начинаем погружаться в пучину. Мне хочется верить, что лиги позволяют сбивать сметану в этой кружке.

— **Кого вы мечтаете залучить на Лигу знаний?**

— Жалею, что не удалось договориться с известными психологом Людмилой ПЕТРАНОВСКОЙ и психолингвистом Татьяной ЧЕРНИГОВСКОЙ. Чтобы пригласить человека, мало предложить ему гонорар: у таких специалистов всё время расписано. А хотелось, конечно, послушать учёных, которые владеют знаниями в области нейронауки, развития мозга, поскольку,

я считаю, сегодня нужно противопоставлять такие знания суевериям, заливающим всё информационное пространство.

По Лиге Странников почти договорились с Фёдором КОНЮХОВЫМ.

— **Юрий, как вы готовите встречи?**

— Каждый раз ты не просто подбираешь спикеров и тему, но отсматриваешь презентации, даёшь советы, думаешь, как сопоставить разные выступления. К примеру, если на Лиге делового чтения выступает финансист, то другой спикер должен быть маркетологом, третий — производителем. На Лиге Странников также стараюсь сочетать рассказы об экзотических странах с историями о местном туризме. Или, наоборот, подбирать по единой теме. Например, на встрече по теме «Морские истории» было и об океанском круизе, и о путешествии на яхте. Сейчас готовим на Лигу Странников тему «Незнакомое о знакомом». Одна из путешественниц, Юлия, побывала в Египте, но не на обычном туристическом маршруте, а с участием в раскопках экспедиции Оксфордского университета. Интересно всегда то, о чём человек узнал.

— **В лигах вы возрождаете такой немного уже подзабытый формат...**

— В общем, да. Я и не скрываю, что сам олд-скульный, и в лиги входят люди взрослые, молодёжи не так много. Но посмотрите: ведь именно взрослым людям в современном мире общаться негде. Мир вокруг нас всё больше становится миром молодых. Вот мы сейчас с вами разговариваем в кофейне, которая сделана для молодых молодыми, и вокруг одна молодёжь.

«*Как-то, сидя у окна в кафе на Мира, я для интереса решил подсчитать, сколько людей возраста 30 плюс пройдёт мимо. За всё время их оказалось двое! Это был вечер пятницы. Где остальные? Сидят по домам? Копают огороды? Но нам нужно где-то встречаться, и бары — не совсем тот формат. Поэтому есть лиги.*»

— **А что вам не нравится в современной жизни?**

— Как я уже сказал, дефицит критического мышления. Глядя на молодых, я вижу, что это хорошее поколение. У них есть тяга к духовности, к познанию, личностному совершенствованию. Жаль, что многое сливается на астрологов-тарологов, разные ритуалы. Пар уходит в свисток.

— **А то, что все сейчас в гаджетах, не страшно?**

— Ну, мир теперь такой! Мы тоже общаемся в гаджетах, это нормально. Другое дело, что, как писала Черниговская, объём информации, который сегодня обрушивается на человека, не коррелирует с биологическими способностями мозга. Мы эволюционно не успеваем уследить за тем, что происходит.

Информация захлёстывает. В нашем прошлом, например, одни и те же песни слушали вы, слушал я, слушал мой сосед, хотели мы того или нет. А сейчас ребята слушают музыку, которой мы не знаем. Мало того, другая группа молодёжи при этом слушает музыкантов, о которых не имеет никакого понятия первая. Всего много, можно вращаться в своём информационном кластере и не выходить за его пределы.

Но при этом теряется общность. У людей должен быть какой-то общий культурный код, хотя бы одна книга, которую прочитали все. Сейчас такое ощущение, что не остаётся никакого единства.

— **И ваши лиги как раз пытаются объединить людей.**

— Да-да. Но что важно — мало собрать слушателей вместе, надо собрать их вокруг чего-то, что несёт ценность.

— **Юрий, о чём вы мечтаете?**

— Остановиться. Успокоиться, снизить немного темп, сосредоточиться на более глубинных вещах. Тут опять могу привести сравнение с йогой. Не так давно я стремился растянуться поглубже, освоить формы посложнее, удерживать их подольше. А в этом году начал получать удовольствие от вдумчивых движений, от погружения в тонкости процесса. Мне кажется, сейчас я в таком возрасте, что надо идти в глубину.

Текст _ Софья АНДРЕЕВА

Спрятать семью от тирана

«Муж сильно бил меня и детей», «приехала за счастьем, а оказалась беременной на улице», «вышла из детдома, не поняла, как стала одинокой мамой без собственного угла»... Истории этих женщин объединены общим эпизодом — мамы получили поддержку фонда «Дом матери».

Кризисный центр фонда даёт приют женщинам и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, пережившим домашнее насилие. За эти годы количество получивших поддержку здесь уже исчисляется сотнями.

Недавно центр переехал в новое помещение — большой частный дом. До этого несколько лет фонд арендовал помещения. С руководителем кризисного центра Юлией ДОРОНИНОЙ мы беседуем в одной из комнат для подопечных. Рядом посапывает маленькая Анечка, малышке недавно исполнился месяц. «Её маму мы отсюда проводили в роддом, — рассказывает Юлия. — Вообще, август–сентябрь плодотворными получились. В нашем доме родились два малыша, и ещё несколько — в подшефных семьях».

Юлия с мужем

— Юлия, вы давно планировали переезд фонда в частный дом, но хотели построить его по собственному проекту — с нуля. Почему изменили решение и приобрели готовое здание?

— Действительно, у нас был другой план. И даже уже нашлись волонтеры, которые подготовили проект будущего дома. На его возведение мы хотели потратить не более восьми миллионов рублей, но потом цены на строительные материалы серьезно выросли. И сумма достигла шестнадцати миллионов. Для нас это неподъемные деньги, столько бы мы не собрали. Ведь фонд существует на средства пожертвований. Пришлось искать другое решение.

Сначала банки отказывали нам в ипотеке. Потом благодаря пожертвованиям первоначальный

взнос увеличился, кроме того, мы с мужем продали своё жильё. И купили этот дом.

Его площадь — 320 квадратных метров. Для сравнения, в помещении, которое мы арендовали на улице Вильского, было всего 190 квадратов. Кроме того, есть пространство под крышей, которое можно переделать под жилое. Ещё планируем сделать пристройку к дому — от балкона со второго этажа. Тогда площадь помещений увеличится до 450–500 квадратов. И мы сможем принимать большее число семей.

Во дворе построим склад. Пока все вещи размещены здесь, в доме. Что, конечно, неудобно. Помещение склада нам помогало арендовать одна из наших бывших подопечных. Но в пандемию её бизнес «просел». Она предупредила о финансовых трудностях, о том, что поддерживать фонд не сможет. Поэтому склад тоже переехал сюда.

Фонд «Родители против наркотиков» помог нам приобрести гараж. Сейчас муж собирает его. Пока временно коробки с вещами перенесём в него. Тогда быстрее приведём дом в порядок.

— Сколько семей могут теперь разместиться в центре?

— Пока у нас живут пять семей, но когда завершим все работы, сможем принимать до двадцати. Дом разделён на две части с отдельными входами. По задумке прежнего владельца, в одной половине должна была жить его семья, во второй — разместиться хостел. Но его мечтам не было суждено осуществиться. Здание много лет сдавали реабилитационному центру. Когда эта организация выезжала, они вынесли всё — сняли линолеум, выкрутили патроны.

На первом этаже одной из частей дома мы сделаем две комнаты для мам с ляльками, в каждой — отдельный санузел. На втором этаже разместится офис фонда и наша с мужем комната.

На первом этаже второй половины — кухня и большая игровая. Их ещё предстоит привести в порядок. На втором будут ещё четыре комнаты для наших подопечных. Свой санузел есть на каждом этаже.

Конечно, дом требует постоянных затрат: раз в неделю проводим откачку септика, покупаем

уголь для отопления. Но, несмотря на все нюансы и неурядицы переезда, мы рады, что теперь он у нас есть.

— Расскажите историю создания фонда и центра «Дом матери».

— В июле нашему фонду исполнилось четыре года. Вообще, по образованию я педагог. Некоторое время работала в детском приюте, параллельно занималась волонтерской деятельностью. Поняла, что для ребёнка нет никого ближе мамы, какой бы она ни была. В приюте мы старались создать для ребят максимально комфортные условия. Но они всё равно ждали мам. Большая трагедия, когда ребёнок остаётся без семьи.

Как волонтер я посещала семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, мы привозили им вещи, продукты. Но разовая помощь не меняет ситуацию: продукты съели, семья осталась на том же социальном уровне, или он продолжает падать ещё ниже. И совсем непросто, если у мамы нет собственного жилья, а на руках — маленький ребёнок. В таких случаях у государства одно предложение: временно отдайте ребёнка в учреждение. Но вот забрать его потом обратно бывает сложно.

В итоге у нас с мужем возникла идея построить кризисный центр, который позволял бы мамам с детьми, попавшим в трудную жизненную ситуацию, встать на ноги.

В июле 2017 года мы зарегистрировали фонд. Думали, что будем действовать постепенно: построим хороший дом, всё обустроим и тогда начнём принимать семьи. Но всё изменил случай. Вскоре к нам обратилась мамочка — она оказалась на улице с тремя детьми. Как выяснилось, муж долгое время издевался над ней. Она терпела это. Но потом он начал бить маленьких деток, и женщина сбежала. Мы срочно сняли трёхкомнатную квартиру для центра. Арендную плату внесли с зарплаты мужа, он тогда работал мебельщиком.

В декабре в «Доме матери» жили уже семнадцать человек. Принять большее количество людей мы не могли, не было мест. Но нам звонили, говорили: «Мы готовы спать на коврик». К сожалению, приходилось отказывать.

— По каким причинам женщина с ребёнком оказывается на улице? Со временем как изменяется количество таких ситуаций?

— Практика показывает, что таких случаев с годами меньше не становится. Да, у нас разная заполняемость центра. Бывают пиковые моменты, когда заявок много. Бывает некоторое затишье. Но за эти четыре года «Дом матери» ни разу не пустовал.

Причины разные. В первый год мы выделяли четыре основные категории мам: женщины из неблагополучных семей, выпускницы детдомов, жертвы домашнего насилия и беженцы из Украины.

Часто к нам обращаются детдомовские девочки, которые не смогли справиться с условиями самостоятельной жизни. Ведь в этих учреждениях ребёнок до определённого возраста живёт на всём готовом. А сам решать проблемы он не умеет.

Распространена и такая ситуация. Девочка из неблагополучной семьи приезжает в Красноярск в поисках счастья, любви. Самооценка у неё занижена, следовательно, и требования к мужчине невысокие. Выбирает наподобие тех, кого привыкла видеть в своём окружении. Результат — разбитые семьи, дети без родителей.

Мы анализировали ситуации — как развивается домашнее насилие. Девушка вышла замуж, супруг начинает её третировать. Если для неё такая ситуация непривычна, есть потенциал сразу пресечь этот процесс. Но если женщина видела, что отец бьёт маму, дед — бабушку, и для неё это вариант нормы, будет терпеть.

— Женщины из внешне благополучных семей приходили в ваш дом?

— Да, у нас были девочки с хорошим образованием, профессией, достигшие определённых высот. Им нужно было укрыться на некоторое время от семейных тиранов. Такие женщины, как правило, быстро встают на ноги. Потом предпочитают не говорить о том, что были здесь.

— Как долго семьи могут находиться в центре? Должны ли они вносить оплату за проживание?

— По договору у нас можно жить два месяца, но при необходимости продляем этот срок. Куда женщина пойдёт с маленькими детьми, если нет ни работы, ни жилья? Оставляем до разрешения ситуации.

Повторю, центр существует на пожертвования. Если женщина работает, она отдаёт на нужды «Дома матери» не более трети зарплаты. Если трудоустроена неофициально, то вносит пять тысяч рублей в месяц.

Иногда мы идём навстречу, например, если у мамы есть какие-то долги, кредиты, вообще не берём у неё деньги. В итоге от этих взносов собираем совсем небольшую сумму, которая не покрывает расходы центра. Но это необходимо для того, чтобы мамы умели распоряжаться своими финансами. Также такие взносы дисциплинируют. Когда ты получаешь что-то даром, можешь не придавать этому значения. Ценишь то, во что вкладываешь.

Вообще, важно научить наших подопечных планировать жизнь, распоряжаться своим временем, финансами. Сейчас мы ведём совместный проект с кризисным центром «Верба». Наши подопечные работают в клининговой бригаде. Клиенты очень довольны тем, как добросовестно и ответственно они подходят к делу. Такая работа позволяет им накопить «подушку безопасности»: половину от заработанного они оставляют себе. Вторая половина идёт на приобретение расходных материалов, бензина. На нужды центра остаётся совсем немного.

— Сколько времени обычно уходит на подготовку к самостоятельной жизни?

— Всё зависит от ситуации, потенциала мамы и её желания. С некоторыми приходится работать с самых азов. Вроде женщина и не злоупотребляет спиртным, и собственные дети уже у неё есть. А не умеет элементарных вещей. Например, даже сухари в духовке сушить или тарелки мыть. Порой думаю: как же дожили до такого возраста и детей своих воспитываете? Начинаем учить: как убирать комнату, пеленать, мыть ребёнка. Даже как себя мыть — и такие моменты бывают.

Видно, если женщина действительно старается, всеми силами пытается использовать эту возможность. Одна из мамочек жила у нас полтора года. В «Дом матери» она пришла практически из роддома — с сыночком и старшей дочкой. Отец младшего ребёнка бросил её, когда она была беременной. Женщина переехала в наш город из другой страны, близких здесь у неё не было. Роды, а потом болезнь «вытянули» все запасы, де-

нег не осталось ни на аренду жилья, ни на жизнь. Мы помогли ей на средства материнского капитала купить комнату, теперь у неё есть городская прописка.

— Кризисный центр — не единственный проект фонда?

— Очень востребован наш «Пункт взаимопомощи». Как раз для него нам и требуется складское помещение. Мы принимаем вещи — одежду, обувь, канцелярию, детские кроватки, коляски, манежи. Передаём их нуждающимся семьям.

Нам приносят много вещей, их нужно разобрать, рассортировать. Этим занимаются наши девочки. Вообще, у всех проживающих в центре есть свои обязанности, расписаны дежурства: по кухне, по складу, по уборке, по присмотру за детьми. Теперь и придомовая территория появилась — надо и её содержать в порядке.

— Те, кого поддержал «Дом матери», потом помогают фонду?

— Да, часто. И когда мы переезжали, наши девочки помогали нам. Ещё один пример — администратор нашего фонда, бывшая подопечная «Дома матери». У неё такая отдача, такая благодарность за то, что ей помогли в тяжёлой ситуации.

Вообще, те, кто пережил подобную стрессовую ситуацию, сначала испытывают огромный страх: они боятся снова остаться на улице без средств к существованию. И пытаются сформировать подушку безопасности. А чтобы начинать отдавать — нужно перейти на новый уровень сознания.

Помощь другим — необходимый процесс жизнедеятельности человека. Эгоизм губит людей. Символический пример — вода. Если её налить в кувшин и никак не использовать, через некоторое время она испортится — стухнет. Так и жизнь человеческая: если не научиться делиться тем, что имеешь, она тоже просто затухнет.

Когда ты помогаешь другим, видишь какие-то тяжёлые ситуации, происходит переоценка ценностей. Начинаешь радоваться тому, что имеешь. Никогда не будет счастлив и самодостаточен тот, кто постоянно «заглядывает в чужой огород», живёт по принципу «и это тоже хочу».

Если наш подопечный начинает помогать другим, это показатель того, что в его семье ситуация стабилизировалась. Он вышел из стрессового состояния и больше не боится будущего.

— Принимаете ли вы тех, кто зависим от алкоголя или наркотиков?

— Мы даём шанс всем. К сожалению, в последнее время в центр обращается достаточно много девочек, зависимых от наркотиков. Среди них есть процент тех, кто исправляется. Хотя, подчеркну, как таковых условий для работы с зависимыми у нас нет. Всё зависит от желания самой мамы. Если она понимает, что стоит на краю бездны, если действительно хочет восстановить семью, сохранить детей, то сделает всё, чтобы не возвращаться к прошлой жизни.

— Женщина без детей может прийти к вам?

— Такие случаи были, мы принимали их. Но возникли конфликтные моменты, касающиеся распределения обязанностей. Вскоре они спрашивали: почему мы должны смотреть за чужими детьми, готовить на всех и так далее. В принципе, у таких женщин гораздо больше возможностей самостоятельно встать на ноги.

Мы создаём условия именно для мамочек с детьми. Помогаем им навести порядок в своей семье, а потом решить другие вопросы — с жильём, работой. За основу мы взяли именно семейные ценности, чтобы здесь женщины узнавали: как это должно быть. Безусловно, ни одна нормальная семья не состоит без взаимопомощи. Если человек будет заботиться только о своих нуждах, такая модель развалится.

— Вы отслеживаете, как складываются судьбы ваших подопечных?

— Да, конечно. И бывает по-разному. Мы даём платформу, необходимую для того, чтобы встать на ноги. А дальше всё зависит от самой женщины.

Ничего не выйдет, если она пришла к нам с настроением пересидеть трудные времена — здесь меня покормят, обогреют, и я пойду дальше гулять.

Когда человек не хочет помочь сам себе, результата не будет, какие ресурсы ни предоставляй.

Бывают быстрые истории. Например, обращаются беременные, для которых Красноярск — чужой город. С мужем поругалась, пойти некуда. У нас они ждут, пока родственники соберут и отправят им деньги на билеты домой. Или с мужьями мирятся и в семью возвращаются. Так тоже бывает.

«
Дольше всех остаются мамочки с новорождёнными. За время существования «Дома матери» от нас в роддом уехали семь мам, так что, можно сказать, в нашей семье родились семь малышей. Молодые мамочки остаются до тех пор, пока не встанут на ноги — начнут самостоятельно зарабатывать.»
»

Кстати, сейчас им полагаются довольно неплохие пособия от государства, главное, чтобы документы были в порядке. Если каких-то бумаг не хватает, мы помогаем в восстановлении документов, некоторые семьи временно регистрируем в нашем доме. Потому что без прописки невозможно оформить пособия.

Но сразу подчеркну: регистрацию делаем далеко не всем. Только тем, кто зарекомендовал себя как человек, желающий изменить свою жизнь. Так получилось, что когда о такой возможности узнали, обо мне сразу все вспомнили. Некоторые пытались прописаться, чтобы взять кредиты.

— Вы строгий руководитель?

— Строгой я стала со временем. Вначале мы с мужем допустили много ошибок, потому что хотели, чтобы женщины прочувствовали семейственность через безусловную любовь. Но надо понимать: часть наших подопечных — потребители, которые привыкли к тому, что им все вокруг должны. Им нужно показывать рамки, учить — пока вы не возьмёте ответственность за свою жизнь и жизнь ребёнка на себя, ничего не получится. Наша основная задача — научить их выживать.

— Получается абстрагироваться и не пропускать каждую историю через сердце?

— Мы стараемся поберечь себя, но это не всегда получается. Ведь дети растут на наших глазах.

Жаль, когда происходят следующие ситуации. Видишь у мамы потенциал, она старается. А потом появляется сожитель, который её уже десять раз бросал. И она снова верит ему. Я понимаю, что, скорее всего, через некоторое время она вернётся сюда — растоптанная, побитая, может быть, снова беременная. Просто уже кричу: «Что с тобой?». Она отвечает: «Всё понимаю, но люблю». Вот что мне делать? Самое обидное, что опасности подвергаются дети. Изъять их из семьи? На это нет оснований. Да и мы не пророки: вдруг на этот раз всё получится.

— Юлия, за эти четыре года у вас хотя бы раз был отпуск?

— Нет, ни разу. Планировали отдохнуть с мужем в этом году, но не получилось — занимались покупкой дома и переездом. Теперь ждём следующего лета.

На Новый год мамы подарили нам сертификат на отдых вдвоём — на сутки, недалеко от Красноярска. Но времени съездить пока так и не нашлось. Они понимали это и оформили путёвку с открытой датой.

Вообще, мне повезло с мужем. Он же и директор фонда, и Дед Мороз, и мебельщик, и сантехник, и грузчик, и плакательная жилетка. Слава Богу за моего мужа, другой бы уже ушёл. А он шутит: мне жена досталась с приданым. Мы познакомились, когда были волонтерами. У меня уже тогда зрело решение создать фонд. Супруг говорит: ты меня обманом вовлекла, сказала — будешь директором фонда, только бумаги станешь подписывать. Но на самом деле ему самому всё это нравится. Мы — лучшая поддержка друг для друга.

СПРАВКА

Телефон фонда «Дом матери» — +7 (961) 739-27-21.

Адрес кризисного центра: г. Красноярск, ул. Ирбейская, д.22

Текст _ Александра КАЗАНЦЕВА

Сергей Бобров в роли Северьяна,
балет «Каменный цветок»,
Красноярский театр оперы и балета,
фото Александра Мищенко

«Такой звёздный состав, как у нас, есть только в Большом театре»

Счастливики, в юности определившиеся с профессией, немного. Наш герой свой выбор сделал в десять лет. Тогда Серёжа Бобров подавал надежды как шахматист, получил третий разряд, а одну из его задач напечатали в профессиональном журнале. Но в Московском хореографическом училище случился недобор мальчиков, педагог частым гребнем прочёсывал школы, чтобы найти подходящих по природным данным учеников. Сергею предложили сначала прийти на просмотр, а после — обучаться в училище. Это казалось смешным, о балете он имел смутное представление. Сегодня же заслуженный артист России, художественный руководитель Красноярского театра оперы и балета им. Дмитрия Хворостовского Сергей БОБРОВ не мыслит себя вне профессии.

— **Что общего у балета и шахмат?**
— Конструкция. На шахматной доске мы делаем ходы, иногда верные, иногда нет. Ошиблись — проигрываем. В балете, если в работе над постановкой ты сделал ошибку, на премьере зритель поставит тебе шах.

Если конструкция балета понятна, доступна, то зритель вовлечётся в партию, которую мы затеяли. Но если он не станет соучастником — мы получим мат.

— **Чем вас заинтересовали шахматы?**

— Логикой и красотой перестановки фигур. Но балет ещё интереснее, тут партия не заканчивается, можно вернуться на несколько ходов назад и исправить неудачный ход. ГРИГОРОВИЧ, кстати, так делал часто, после премьеры мог поменять местами сцены в балете и начать партию не конём, а, например, пешкой.

— **В балет вы пришли случайно, но это кардинально изменило вашу жизнь. Как мама отнеслась к такому решению?**

— Мама обрадовалась. А вот я долго был удивлён: ну какая из меня балерина? У меня были большие перспективы в плавании и шахматах. Маме моей сказали: подумайте, дважды такие предложения не делают. Но решающим стало просто хорошее здание, которое значительно отличалось от моей обычной сред-

ней школы, — большое, красивое, со светлыми залами.

На второй год обучения хотелось уйти. Но тут сыграли роль педагоги. Особенно Александра Михайловна МАКЕЕВА, родом из Новосибирска, она делала «школу». Основу закладывала так, что физически копалась в теле, руками выстраивала жилочки, косточки, щиколотки. Мы иногда приходили домой с синяками на плечах, потому что «плечи в стороны и вниз» она давала физически почувствовать. За два года вложила то правильное положение мышц и стоп, благодаря которому всю оставшуюся карьеру у меня не было ни одной травмы. До сих пор, если на репетициях вижу, что у танцовщика нет понимания выстраивания тела, поправляю. Это важно — даёт и стабильность, и технику, и силу, и красоту линий.

Да, балет вытеснил всё из жизни, заполнил её.

— **Перед сверстниками не приходилось себя отстаивать?**

— Все друзья, не связанные с балетом, ушли в прошлое. А каникулы мы с сестрой обычно проводили у бабушки и дедушки в посёлке Первомайском, рядом с именем Льва Толстого в Ясной поляне; я всё детство ловил плотву и карасей в том же пруду, что и писатель. Так вот местные друзья, узнав, что я стал заниматься балетом, отнесли к этому с большим уважением.

— **Если ваша дочь захочет стать балериной, не станете сопротивляться?**

— А она наверняка захочет: мама балерина, папа хореограф. Маму уже копирует. Потом, у неё идеальные природные данные, что называется аппарат: хорошие формы, огромный прыжок, физическая сила, в четыре года уже кубики на прессе, как у гимнастов. И если она выберет балет, я буду рад, потому что ещё раз пройти всю эту историю — радость. Наташа (жена, ведущая солистка Красноярского театра оперы и балета — прим. ред.) в этом году поступила в Московскую академию хореографии. Зашёл я туда после долгих лет, и такое приятное чувство ностальгии охватило. Если ещё дочь там будет учиться — прекрасно.

— **Как вы подростком представляли свою взрослую жизнь?**

— Не думал об этом, жил в профессии. Задумался, лишь когда пришёл момент распределения. Нашему курсу повезло: какое-то время в Большой не брали танцовщиков, а тут многие ушли на пенсию, и из нашего выпуска, а это человек 60, пригласили сразу десятерых.

— **Как вас принял Большой?**

— Хорошо. У меня были склонности к характерным партиям, меня и в Большой взяли после экзамена по характерному танцу. В Большом я сразу получил предложения исполнять сольные партии в операх, одна из первых была в «Похищении

Луны». В день, когда должен был дебютировать, пришёл в театр, загрифовался и понял, что мне плохо; оказалось, температура подскочила до 41 градуса.

— **От волнения?**

— Нет, простыл накануне. И первый мой выход на сцену был трудным. В кордебалете танцевал. У Григоровича даже ведущие звёзды первые три года обязательно танцевали в кордебалете, потому что там приобретаешь чувство партнёрства, ощущение сцены, зрителя. Я уже танцевал сольные партии, и даже Майя Михайловна ПЛИСЕЦКАЯ говорила заведующему балетной труппой: почему у вас танцовщик в кордебалете?

Майя ко мне относилась очень хорошо, мы с ней дружили. Она меня приглашала в класс Асафа МЕССЕРЕРА, прямо перед собой ставила. Как-то сказала: Серёжа, ваши мышцы имеют настолько продолжительный потенциал, что вы можете танцевать дольше меня. А ей тогда уже было 60 лет.

В тот момент я ей не поверил, но когда в возрасте 50 лет станцевал Северьяна в «Каменном цветке», понял, что она права. Не танцевал почти 10 лет, позанимался 3 или 4 месяца и вошёл в форму; оказалось, мне это нетрудно. И в балете «Нижинский», который мы представим красноярским зрителям на юбилейном вечере артиста Большо-

го театра Михаила ЛАВРОВСКОГО в ноябре, я тоже выйду на сцену.

— Вы как-то упомянули, что должно пройти время, чтобы Большой театр вошёл в твою кровь. Что это за ощущение?

— Сложно объяснить. Ты постоянно находишься в особенной атмосфере Большого, напитанной историческими традициями, вокруг тебя звёзды, и они доступны в общении, нет снобизма, лишь дружеские рабочие отношения. Подмечая жесты, работая с опытными репетиторами, ты естественным образом становишься мастером именно с позиции Большого театра. И видишь, что уровень в любом другом театре, даже столичном, ниже. Это другой стиль в нюансах — повороте головы, движениях кисти, поступи. Это актёрское понимание того, что и как ты делаешь, как преподносишь и продумываешь роль, какие болевые точки у зрителей находишь, чтобы тебя полюбили.

Но сколько бы ты ни репетировал роль в балетном зале, пока не станцуетшь её на сцене 15 раз, ты её полностью не доработаетшь. В зале ты выкладываешься, но на сцене тратишь сил в несколько раз больше, и не только физически, но и эмоционально.

— Помните свою первую встречу с Григоровичем?

— Конечно. Я пришёл на постановку балета «Золотой век». Нам повезло попасть в эту историю с самого начала. Он все сольские партии, особенно экспериментальные, пробовал на молодёжи. Репетиции были физически тяжёлыми, но мы верили в то, что делали, считали, что Большой — это абсолют, и мы должны максимально вкладываться. С утра до вечера пахали, но в результате Юрий Николаевич видел потенциал каждого.

— Много страшных рассказов о конкуренции в Большом театре...

— Конкуренция действительно серьёзная. Солисты не отдают свои роли до последнего. Удобное время было, когда театр уезжал на гастроли. Как раз в первые три года было много спектаклей, где удалось пробовать. Вот там давали танцевать, и первые партии приходили, освоившись сольские места. Когда возвращались солисты, снова попадал в кордебалет, потом в какой-то момент уже остался в солистах. А самое тяжёлое было — попасть на ведущую роль в балете Григоровича.

— Но вам это удалось.

— Да, я танцевал Злого гения в «Лебедином озере», Конферансье в «Золотом веке», Бирбанто в «Корсаре», Сальери в «Моцарт и Сальери», Дона Хуана в «Любовью за любовь» и много ещё...

— И всё-таки вы ушли из Большого.

— Так время пришло — двадцать лет отработал, пора на пенсию. И Григоровича к тому моменту в театре уже не было, пришёл ВАСИЛЬЕВ, и у меня, честно говоря, уже не было большого интереса. Хотя на тот момент я был в великолепной форме.

« — »

Перед моим уходом мне предложили порепетировать Принца в «Лебедином». «Так мне через три месяца на пенсию». — «Как?!». Никто не мог поверить.

« — »

Год на шестой-седьмой работы в театре я поступил к Григоровичу на балетмейстерское отделение. На пенсию уходил дипломированным хореографом с первыми призами трёх международных конкурсов. На Межрегиональном конкурсе балетмейстеров и артистов балета, где председателем был Махмуд ЭСАМБАЕВ, я получил золотую медаль. На Международном конкурсе артистов балета и хореографов имени Сержа Лифаря в Киеве сложилась забавная ситуация: эксперты не смогли прийти к согласию, чья работа лучше — моя или Алексея РАТМАНСКОГО (с 2004 по 2009 год — художественный руководитель балета Большого театра — прим. ред.), поэтому первое место решили не присуждать, а второе разделили между нами.

Первой моей постановкой был балет «Инфанта и шут» с артистами балетной труппы Большого театра, премьера прошла в Сан-Франциско. Сергей АНТОНОВ (ныне репетитор балетной труппы Красноярского театра оперы и балета — прим. ред.), кстати, танцевал Шута. Потом была «Антигона», тоже с артистами Большого театра.

— Почему для первых работ вы выбрали этот материал?

— «Инфанта» — это ШНИТКЕ, которого очень люблю. Потом мне захотелось сделать древнегреческую драму только с ударными инструментами, как это действительно было в Греции. Долго искал, компоновал музыкальные произведения, но в итоге попал на концерт Марка ПЕКАРСКОГО, и уже вместе с ним мы создали комбинацию разных произведений, объединённых ударными инструментами, так и получилась «Антигона». Этот балет много раз пригласили на гастроли в Испанию, там он имел ошеломительный успех, потом мне предложили перенести его в красноярский театр (до сих пор в репертуаре театра под названием «Дочь Эдипа» — прим. ред.). А уже потом предложили поставить «Царь-рыбу».

— Предложение приняли сразу?

— Нет, раздумывал. Всё-таки поставить балет по произведению АСТАФЬЕВА — это немного странная история. Месяца три изучал вопрос, перечитал всё, что возможно, у Астафьева. Слушал музыку Владимира ПОРОЦКОГО. Поставил условие, что смогу работать с партитурой. Пороцкий согласился. Когда я начал, он был внутренне возмущён, иногда даже высказывался: мальчишка, всю мою музыку перекроил! Я действительно многое изменил, взял музыку не только из «Царь-рыбы», но и из других его произведений. Но потом Владимир Яковлевич сказал: да, получилась довольно удачная новая музыкальная драматургия.

Прошло года два, я ещё танцевал в Большом, и снова позвонил приятель: нужно поставить «Кармен», но не одноактную «Кармен-сюиту» на музыку ЩЕДРИНА, а большой двухактный балет по БИЗЕ, оперному варианту — так хотел импресарио. Балет был нужен для гастролей красноярского театра на Тайвань. Постановку я закончил буквально за пару недель до выезда на гастроль. Все прошло успешно, счастливы были и зрители, и артисты. Зарплата тогда в театре была 100 рублей плюс бесплатные обеды в театральной столовой. А тут совсем другие деньги. Вернулись, машины себе купили.

По Бизе я первым сделал такой балет, после ещё в двух российских театрах ставили нечто подобное.

— Вы многое делали первым.

— Да, про «Антигону» пресса писала: это первый в истории балет с таким названием. Григорович, че-

ловек-энциклопедия, подумав, сказал: знаешь, какой-то итальянец в веке 17-м что-то такое вроде пытался ставить. Но полноценного балета не было.

— Вы сохранили связь с Григоровичем?

— Конечно, общаемся и дружим, и профессионально. Правда, из-за ковидных ограничений это стало сложнее, он в последнее время живёт в санатории в Барвихе, поэтому труднодоступен, в любой момент не приедешь поболтать.

— Возвращаемся в Красноярск...

— Да, потом директор предложил поставить балет «Щелкунчик». Поставил, разослал информацию знакомым импресарио. И вот звонок: в Англии хотят видеть нашего «Щелкунчика», но для гастролей нужен ещё какой-то балет, например «Лебединое озеро». «Лебединое» было в репертуаре театра, но англичане избалованы хорошим балетом и попросили сделать более современную версию. Сделал новую хореографию, и мы поехали на три недели в Кардифф. Спектакли прошли с большим успехом, и директриса мне сказала: ну давай уж руководи нашим красноярским балетом.

— Как вас приняла труппа?

— Хорошо. Они же долго в одном бульоне варились, а тут появились зарубежные гастролы, это не только деньги, это колоссальный опыт, возможность танцевать. По сути, сегодняшний коллектив создан бюджетом другой страны.

Когда я пришёл, в труппе было всего 22 человека. Первое время уровень прихрамывал, но мы много репетировали, поднимали качество. Период формирования балетной труппы был трудным, выпускники красноярского хореографического колледжа даже не рассматривали наш театр как место работы.

— Где искали артистов?

— И в Красноярске, и в других городах. Постепенно в труппе стало 30 танцовщиков, потом 35. При этом ни аренды квартир для артистов, ни достойной зарплаты театр не мог предложить. Но люди приезжали. Аркадий ЗИНОВ тогда приехал, Ася ЧУМАКОВА из Челябинска. Выпускники хореографического колледжа стали задумываться о том, чтобы остаться в Красноярске. Так к нам в труппу пришла моя супруга, а тогда выпускница колледжа Наташа ГОРОШКО.

Какие-то интересные гастрольные предложения стали появляться — англичане предложили приехать на 80 спектаклей на 2 месяца. Постепенно в театре появлялся репертуар, что важно для солистов. Если полноценного репертуара нет, какой смысл балерине здесь сидеть, танцевать-то нечего. Любой хореографический коллектив развивается на классическом репертуаре. А для этого нужен кордебалет, профессиональные танцовщики.

В труппе красноярского театра нет интриг, сплетен, я это не приветствую. Конечно, есть люди, которым не нравится то, что я делаю. Но клеветы в высшие инстанции и сплетни закончились с моим приходом. Как-то при встрече Александр Геннадьевич ХЛОПОНИН в бытность его губернатором сказал: ты руководитель балета стал, и мне отсюда письма жалобные перестали идти; давай ты возьмишь на себя художественное руководство всем театром?

— Не сомневались?

— Нет, люди мне доверяли, так чего кокетничать, нужно засучить рукава и работать. После этого появилась «Пиковая дама», первая моя крупная оперная постановка, она до сих пор успешна. Потом «Цар-

ская ложа» — спектакль, созданный из сюит оперы М. МУСОРСКОГО «Борис Годунов» и «Хованщина». За «ложу» мне досталось от критиков, по их мнению, оперы должны идти полностью и никак иначе. Но до этого спектакля в зале на операх было всего триста человек, а тут аншлаги: в один вечер зрители могли увидеть две монументальные постановки со всеми хитами. Как акция по привлечению зрителей это было очень хорошо. Сейчас, конечно, этого уже не нужно.

— Из чего родился проект «Искусство в квадрате»?

— Из размышлений. В период работы в жюри «Золотой маски» мне понравилась «Снегурочка» на музыку Александра МАНОЦКОВА режиссёра Елены ПАВЛОВОЙ. Она сделана для лофта, и это пространство меня вдохновило: близко к зрителю, контактно, ты практически находишься внутри действия. Мысль не давала покоя, и когда пришла идея с оперой ПУЛЕНКА, я стал искать лофт, где это можно реализовать.

— Почему Пуленк?

— Во-первых, сама история яркая, эффектная, но с момента создания показывалась редко. Во-вторых, идея с шахтой Занзибар монтировалась с идеей лофта. А поскольку лофт — это, по сути, квадрат, в какой-то степени отсылка к русскому авангарду, пришло название «Искусство в квадрате», вызывающее много ассоциаций.

Мы сделали целую серию опер в лофте, это своеобразная проба пера. Основная сцена театра всегда будет академической, а то, что мы делали в лофте — задел для экспериментов в обновлённом театре. Пока у нас нет блэк-бокса, оснащённого мобильными светом, сценой, но мы понимаем, что при реконструкции театра такое пространство нужно учитывать. Подобная сцена есть в театре Станиславского, блэк-бокс делают в Калининграде, где строят филиал Большого театра. Это нужно современному театру, это свобода, отсутствие жёстких рамок.

Я искал долго, много всего посмотрел — и заводы какие-то, и цеха Краскона, но везде нужно было адаптировать пространство под требования техники безопасности и т.д. А в «Квадрате» всё уже было — пожарный выход, туалет, гардероб. Правда, территория маленькая, люди какие-то тусуются. «А что у вас ещё есть?» — спросил без особой надежды. — «Да вот наверху ещё склад». Поднялся посмотреть и понял: это как раз то, что нам нужно.

— Одна из ваших идей — проведение в Красноярске Международного балетного форума. Как она появилась?

— Важно было создать событие, интересное и профессионалам, и зрителям. Балетный конкурс сам по себе интересен как поиск талантов, но в процессе его проведения в театре полупустые залы, только финальный гала-концерт привлекает внимание. Образовательные события тоже важны для ограниченного числа профессионалов. Поэтому мы решили, что на нашем форуме должны быть премьеры. Обычно мы делаем две — одна глобальная, другая более камерная, современная или с экспериментальной хореографией.

В таком контексте «конкурс — образовательная программа — премьеры» есть логика, наглядная ответственность. И общественный резонанс форума гораздо масштабнее, что важно для имиджа театра. К сожалению, вот уже два года форум мы не проводим.

Текст _ Андрей КУЗНЕЦОВ

Долгая дорога к себе

В конце сентября в Красноярске можно было заметить необычного пешехода в яркой куртке, толкавшего перед собой тяжело нагруженную детскую коляску.

Те, кто внимательно смотрит местные новости, из телевизионных репортажей узнали, что это путешественник Сергей АЛЕКСЕЕВ, который уже пять месяцев идёт из Армавира (Краснодарский край) на Байкал. Более того — этот пешеход, в буквальном смысле «идущий на рекорд», — инвалид 1 группы по зрению, который видит всего на 3 процента!

Мы договорились с необычным путешественником о встрече в центре города в местном отделении Всероссийского общества слепых. Однако сначала разговор пришлось отложить. Выяснилось, что у коляски, в которой Сергей везёт снаряжение и продовольствие, вышло из строя крепление одного из колёс. Его где-то в пути подремонтировал местный умелец, но не очень удачно — коляску всё время уводит в сторону.

Какое-то время ушло на созвоны и дорогу к ближайшему автосервису на улице Брянской, где сварщик обещал посмотреть, что можно сделать. И пока шёл ремонт коляски (спасибо ребятам — всё сделали абсолютно бесплатно), мы смогли поговорить.

Итак, Сергей Алексеев, 41 год. В 14 лет получил травму, в результате которой почти ослеп на один глаз. В 33 года зрение резко упало в целом и после полутора лет мытарств с медико-социальной экспертизой ему дали 1 группу инвалидности. Живёт в Армавири, оттуда и вышел в дальний путь 24 апреля 2021 года.

— Как же всё-таки случилась проблема со здоровьем? — спрашиваю я.

— Со здоровьем у меня вообще проблем нет, — неожиданно то ли в шутку, то ли всерьёз отвечает Сергей. — Я абсолютно здоровый человек, никогда в жизни ничем не болел, кроме сезонной простуды. Но это практически у всех есть, это нормально — организм вырабатывает иммунитет. Я не болел, когда кругом все болели. В детстве даже обидно было: почему одноклассники в школу не ходят, а я, как дурак, должен ходить на уроки.

— Но со зрением как проблема возникла? — не отстаю я.

— Я потомственный казак, а значит, с детства одним из приоритетов на перспективу у меня была служба в армии. Я занимался боевыми искусствами, рукопашным боем, фехтованием — готовился воевать. И на одной из тренировок пропустил удар. В результате на один глаз ослеп. Естественно, в армию не попал. Офтальмологи тогда говорили, что лет через 5 мне грозит полная потеря зрения. В лучшем случае зрение целого глаза сравняется с травмированным, то есть тоже будет почти потеряно. К счастью, они ошиблись. Предыдущие тренировки и навыки помогли мне затормозить падение зрения, и оно почти не ухудшилось за последующие 19 лет.

Лет в 17 мы с другом искали подходящий спортзал для занятий и на этой почве познакомился с ребятами из Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) — российской организации всемирного скаутского движения. Со временем мой друг стал начальником отряда, а я — его помощником. Сдали на разряды, получили соответствующие звания.

Там пригодилось всё «гражданское» из того, чему учился ранее. Как изготовить нож из подручных материалов? Как сделать себе жильё? Как развести костёр в ливень? Как оказать медицинскую помощь? Самые разные «выживальческие» навыки.

Но потом пришёл момент расплаты за подростковую травму — зрение резко упало.

Оглядываясь на свою жизнь — как я жил, что я делал, как себя вёл, что плохого и что доброго делал, — я теперь понимаю, что кто-то направлял меня к нынешнему рекорду, к этому путешествию всю мою жизнь. Я-то по молодости думал, что готовлюсь к армии — ничего подобного! Меня готовили именно к этому путешествию.

— Заявлено, что одна из задач вашего уникального путешествия — привлечение внимания к проблемам инвалидов при прохождении медико-социальной экспертизы, к бюрократизму в этой сфере.

— Само это моё мероприятие — попытка исправить то зло, которое я наделал в своей прежней жизни. (При этом о подробностях Сергей предпочитает не распространяться — прим. авт.) Я пытаюсь получить какое-то прощение. Может быть, я не прав.

Кто-то мне сказал: «А почему тогда ты не пошёл служить в церковь?». Не знаю... Кто-то или что-то направило меня в этот путь почти через всю страну. Это попытка заслужить прощение. А как его заслужить? Нужно что-то исправить.

А что я могу сделать? Могу спасти человека, могу помочь кому-то, кто встретится на моём пути. Я ищу этих людей, которым должен помочь. Помогая людям, я говорю им спасибо за то, что они позволили им помочь. Это мой шанс на прощение.

А почему рекорд? Потому что если просто идёт какой-то человек — ну пусть себе идёт. Мало ли странных людей ходит по России, по миру.

— Вы предварительно уведомляли местные инвалидные организации, органы социальной защиты по пути следования о своих планах?

— Я рассылал письма по крупным городам, но откликнулись только ребята из Управления физкультуры и спорта города Тольятти. И надо же так случиться, что в Тольятти я пришёл, когда там праздновали День города! Меня встретили, несколько дней я гостил у новых друзей, в том числе в местной скаутской организации, познакомился с местными казаками.

Ещё когда я только начинал планировать свой поход, случайно наткнулся в сети на красноярского блогера Анну ГАЛЬЦЕВУ. Ей моя идея с путешествием, что называется, зашла, она записала и выложила в Youtube интервью со мной. Это было первое интервью в моей жизни. Потом она попыталась помочь в организации моего путешествия финансово, организовать фандрайзинг. Затяга успехом не увенчалась, но она хотя бы попыталась! Анна — первый человек, который поверил в меня, в мою идею. Человек абсолютно мне неизвестный, находящийся в 5 тысячах километров от меня. И не было точной уверенности, что я когда-либо дойду до неё, чтобы встретиться лично.

(Забегая вперёд, скажу, что в Красноярске Сергей встретился не только с Анной. Ему специально организовали экскурсию по городу, помогли устроиться в гостинице для инвалидов, которые приезжают в краевой центр на реабилитацию, чтобы нормально отдохнуть, помыться, побриться в благоустроенных условиях, — прим. авт.)

— Чиновники в городах на вашем пути как-то реагируют? Ведь привлечение внимания к проблемам инвалидов первым делом их касается.

— Многие чиновники воспринимают мой приход и моё путешествие как повод для личного пиара при оказании мне какой-то помощи. Но есть и прямо противоположные случаи. В Уфе девушка из местной администрации фактически купила мне хорошую палатку и при этом сказала нигде даже имени её не упоминать.

Перед этим в Татарстане на трассе у меня кончились продукты, а ближайший магазин был в 10 км в сторону в городке Бавлы. Ни на что особо не рассчитывая, я позвонил в мэрию. Так мне оттуда замглавы местной администрации и директор магазина лично привезли кучу продуктов бесплатно!

И таких случаев много. Совершенно случайно встретившийся мне в пути человек подарил запасной комплект бескамерных колёс для коляски, на которой я везу своё снаряжение и продукты. Он просто проезжал мимо, увидел меня и остановился. Мы с ним разговорились, я рассказал, кто я, зачем и куда иду, поделился проблемой с насосом. Он сказал, что попробует помочь, и уехал. Дело к ночи, я уже палатку поставил, спать укладываюсь, никого не жду... Мало ли, может человек просто из вежливости пообещал или не смог ничего найти? Вдруг слышу: машина подъезжает, фары светят. Совершенно незнакомого человека до ночи искал подходящие мне колёса, привёз их вместе с насосом и отдал бесплатно! Мы с ним тоже обменялись контактами, но фотографировать себя он мне запретил и имя его в путевом дневнике, который я веду в соцсетях, просил не упоминать.

А есть люди, которые всё на деньги меряют, спрашивают, сколько я получу за этот поход, уверены, что меня в Иркутске мешок денег дожидается. Ага, два мешка. Когда я говорю, что за регистрацию рекорда, наоборот, мне самому придётся заплатить — не верят.

Были случаи, когда меня и грабили, и конфликты в пути случались — везде люди разные живут. Один человек вырвал у меня, почти слепого, из рук деньги и убежал, а другой человек в этот же день дал мне денег больше, чем у меня похитили.

— Не страшно идти по трассе? Ведь на это и здоровый не каждый решится. Опять же — у вас проблемы со зрением, а рядом несутся машины...

— Да, я вижу совсем вблизи. Чуть дальше — только очертания. Но дорогу, обочину разбираю. А водители — те же люди. Кто-то, завидев пешехода, берёт чуть-чуть в сторону, чтобы не мешать человеку, не обдать его грязью. А кто-то, наоборот, норовит пугнуть, согнать с дороги. Нет, мне не страшно. Я выбрал этот путь и иду по нему.

— А почему крайней точкой путешествия стал Байкал? «Место силы» или просто известное в стране и в мире озеро?

— Маршрут возник спонтанно. Изначально я думал пройти путь длиной в 15 тысяч километров от Армавира через Южный Урал и Сибирь до Байкала, а затем от Байкала до Ишима (Тюменская область), потом — Северный Урал, Санкт-Петербург, Москва — и обратно в Армавир. Но дорога внесла коррективы уже в первые три дня путешествия. Я понял, что по российским дорогам могу в сутки проходить не расчётные 60-70 км, а намного меньше. В Самарской области дороги хорошие, там я проходил по 50 км в день, а вот до Самары и особенно после идти было куда труднее. А когда я пересекал Южный Урал, это была вообще жуть. Из Армавира я вышел 24 апреля и 1 августа планировал быть в Иркутске, однако, увы, это оказалось нереально. Я понял, что мне хотя бы 6.000 км пройти за полгода.

Но я же сказал, что цель моего похода — не какой-то географический пункт или финиш в конкретный день. Я отправился в путь, чтобы

найти тех, кому смогу помочь, чтобы заслужить прощение. И неважно, сколько времени или тысяч километров для этого потребуется. И пока я иду, пока обо мне говорят, я привлекаю внимание людей к проблемам инвалидов. Если хоть в одной конторе чиновники начнут относиться к инвалидам с большим вниманием и участием — я уже не зря прошёл эти тысячи километров.

— Понятно, что дальше зима, и возвращаться пешком согласно первоначальному плану не получится...

— Я думаю возвращаться с Байкала в Армавир на электричках, посетить тех людей в городах и сёлах, которые мне помогли, которые поверили в меня, и ещё раз поблагодарить их. Если смогут приехать, хочу пригласить их на церемонию вручения документов о рекорде, который я устанавливаю. Хотя сам рекорд — это бумажка, свидетельство о нём. Жизнь человеческая, отношения людей — вот что важно.

Журналисты и то, что они рассказывают обо мне, о моём походе, — это маленькая ступень, чтобы, поднявшись на неё, достигать до чиновников. Чиновники — это следующая ступень, чтобы помочь людям. А люди для меня — это предпоследняя ступень для того, чтобы помочь самому себе.

А как привлечь внимание журналистов? Нужно что-то интересное. Если бы вам сказали, что через ваш город пройдёт странный человек с детской коляской, вас бы это заинтересовало?

— Вряд ли.

— А если он уже прошёл полстраны и более 4.000 километров?

— Уже интересно.

— А если этот человек — инвалид I группы по зрению с остаточным зрением три процента? А если этот человек идёт на рекорд? А если он ставит проблему, актуальную для многих людей?

— Безусловно, это уже не просто интересно, а удивительно и важно. Но меня ещё интересует

чисто формальный, «бюрократический» вопрос. Любой рекорд должен быть задокументирован, зафиксирован — не так ли?

— Да, есть определённые условия. У меня есть геотрекер, который фиксирует все мои перемещения, каждые 10 метров. Соответственно, высчитывается расстояние между ними, время и скорость. Если я воспользуюсь каким-нибудь транспортом, скорость моего перемещения изменится.

Естественно, я выкладываю фотографии в пути, поэтому снимков у меня выложено очень много. И если есть — какие-то публикации в местных СМИ обо мне. Это условие ИНТЕРРЕКОРД, крупнейшей независимой организации, созданной как альтернатива «Книге рекордов Гиннеса». У меня с ними договор на регистрацию рекорда.

— Путешествие рано или поздно закончится. А что дальше?

— Когда я случайно узнал про Виктора СИБИРИНА из Ачинска, который проехал 1300 км до Байкала на инвалидной коляске, естественно, захотел с ним познакомиться и хотя бы просто пожать ему руку. Инвалид I группы, на инвалидной коляске преодолел 1300 км! Это и меня подстегнуло: у меня-то руки-ноги целы, разве что со зрением проблема, так неужели я не пройду тот путь, который наметил?! Мы созвонились с Виктором, и вот в сентябре я специально на несколько дней задержался в Ачинске, чтобы дождаться его (он был в отъезде) и лично познакомиться. У себя в соцсети Виктор написал: «Наконец, встретились человек на коляске и человек с коляской».

Несколько лет назад у меня была идея сделать совместный поход с инвалидом-колясочником Юрием из Санкт-Петербурга в Краснодар — от его родины до моей родины. К сожалению, осуществить этот план мы не успели — Юра умер. Когда же мы познакомимся с Виктором Сибириним, идея совместного похода возродилась.

В принципе, он не против. Надо определить время и маршрут, до следующего лета время ещё есть. В Сибири, наверное, мы планировать поход не будем из-за плохого качества дорог. Скорее всего — где-то в Центральной России, там и дороги получше, и горы поменьше, и нам полегче будет.

На день написания этого материала Сергей Алексеев продолжает свой путь к Байкалу. Правда, из-за наступления холодов и близкой зимы ему всё-таки пришлось из пешехода превратиться в пассажира: от города Иланский он перемещается в сторону Байкала на электричках. Не знаю, как скажется это на его рекорде, но ведь действительно рекорд — это только бумажка. Для людей, которых он встретил и ещё встретит на своём пути, он уже рекордсмен.

«Сергей! Лично я не считаю, что вы инвалид, — написала, хоть и не очень политкорректно, одна из посетительниц его страницы в ВК. — Да, вы человек, у которого по медицинскому заключению инвалидность, но это не значит, что вы инвалид. Инвалиды — это те, кого удивляет ваша экспедиция. Желаю вам удачи!».

Но главное собственное достижение Сергея Алексеева — тот личный путь, который он прошёл по дороге в 6.000 километров из Армавира на Байкал. По его словам, он стал гораздо терпимее к происходящему вокруг и обнаружил, что добрых людей, готовых бескорыстно прийти на помощь, гораздо больше, чем тех, кто готов что-то урвать. Впрочем, и этих вторых Сергей старается прощать, ведь и сам — не ангел (по его собственным словам) и хочет получить прощение.

Человек в бесконечном пространстве

Этой публикации мы поначалу дали название «Нет пророка в своём Отечестве». Но передумали: зачем сразу задавать неприятие?

Представьте, что рядом с нами прямо сейчас живёт, скажем, ЦИОЛКОВСКИЙ или Николай ФЁДОРОВ. По крайней мере, Валерий Викторович Б. производит впечатление такого, не от мира сего, человека. Он размышляет о Вселенной, Космосе всю жизнь. В 2007 году завёл тетрадь и стал записывать туда свои вопросы, параллельно формулируя ответы. И пришёл к своему пониманию целостной картины того, что называется природой. Он считает это открытием, важным для себя и для страны. В этой целостной картине восемь фундаментальных тем: Бесконечное пространство; Энергия; Эволюция; Вселенная; Материя; Индивидуальность; Интеллект; Культура.

Истории человечества есть немало учений, отражающих познание мира. Зачастую их различие — в терминологии. Так, та всеохватывающая сущность, которая у других обозначается «Бог», у В.В. — Бесконечное пространство. Душа — индивидуальный ступок энергии и т.д. Иные учения и религии Валерию Викторовичу (а человек он нерелигиозный) не подходят. Поиски же своего понимания дали необходимый результат.

Мы встречаемся с В.В. в редакции, предварительно созвонившись. Приходит немолодой, худой и оттого кажущийся выше ростом человек. Глаза смотрят из глубины и без особой надежды на понимание. Говорит осторожно, с собеседником не по-современному деликатен. И каждое движение, слово, взгляд в окружающем пространстве для него полны значения.

Спрашиваю: говорил ли он на эти важные ему, но абстрактные для обывателя темы (пространство, энергия, эволюция и др.) с кем-либо и какова реакция собеседников? Говорил; в близком кругу родственников, с соседями. Реакции, с которой столкнулся, не ожидал: родственники «накинулись», соседи пожимают плечами. Внуки не слышат. А для него каждое сформулированное и тщательно отшлифованное определение — озарение. За 15 лет написано всего несколько страничек выкристаллизованных до запятой тезисов, и напротив каждого зафиксированы дата и время.

Прошу В.В. рассказать о себе. Родом он из Енисейска. У матери было пятеро детей: четыре дочери и он один — сын. Расставшись с мужем, шестилетнего сына она отдала в интернат. Насколько это было для детской души травматично, он не может сказать. Ясно лишь, что жизнь была непростой: связи с родными не сложились, в школе учился не слишком хорошо. Но, вернувшись из армии, сумел по целевому направлению поступить в Рижский авиационный институт. После него работал по специальности — авиационным инженером-механиком. Когда началась перестройка и специалистам перестали платить, подрабатывал, где мог (семья, двое детей, их надо растить). При этом вспоминает: занимается каким-нибудь делом, а думает о Бесконечности. В результате подобных размышлений пару раз подходил к такому состоянию, что казалось: вот-вот и без крыльев будешь порхать в воздухе.

В.Ефанова

Подборка суждений В.В.Б. — первое их публичное представление читателю.

Фундаментальные понятия

БЕСКОНЕЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО (БП) — фундаментальное, энергоёмкое, объёмное помещение, не имеющее границ и ограничений, независимое ни от чего и существующее само по себе.

ЭНЕРГИЯ — производная БП, наполнение БП, качество БП и количественная составляющая БП одновременно.

ЭВОЛЮЦИЯ — непрерывный и бесконечный процесс изменения исходных данных Энергии и её производных, т. е. материи.

ВСЕЛЕННАЯ — микроскопическая точка в БП, в которой возникли условия преобразования Энергии в материю.

МАТЕРИЯ — производная Энергии (ступки Энергии огромной плотности в связанном состоянии).

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ — набор индивидуальных свойств, присущих конкретной сущности.

ИНТЕЛЛЕКТ — свойство, способность всех живых форм материи самостоятельно осуществлять свою жизнедеятельность в непрерывно меняющейся среде их обитания.

КУЛЬТУРА — образ взаимодействия энергетических сущностей и их производных друг с другом.

О бесконечном пространстве, энергии и эволюции

Всё включает в себя только одна сущность — это сущность БП. Другой подобной сущности, которая бы включала в себя всё, не существует. ***

Все события, все процессы в БП естественные, закономерные, и все они взаимосвязаны друг с другом, а роль связующего звена принадлежит Энергии. ***

При перемене мест слагаемых в БП сумма слагаемых не меняется. Однако что-то же в БП меняется? Безусловно, меняется качество БП. Под качеством понимается всё то, что находится в объёме БП, то есть Энергия и её производное — материя. ***

Качество БП несовершенно. Поэтому качество БП находится в непрерывном и бесконечном процессе эволюции. ***

ВСЁ в БП, в буквальном смысле слова, имеет значение и предназначение. Ибо ВСЁ вместе взятое и есть БП. ***

Бесконечное пространство образно можно сравнить с безразмерными штанами, из которых никто и никогда не может вырасти, выпрыгнуть и выпасть. ***

Бесконечное пространство, Энергия и Эволюция — бесконечные структуры, а материя — производная Энергии — всего лишь долговременная структура. ***

Всё БП пронизано энергетической паутиной, в которую то здесь, то там вкраплены едва заметные точки материи — Вселенные. ***

Бесконечное пространство, по-видимому, имеет бесконечное коли-

чество измерений. Современный же человек освоил пока три измерения. Кроме трёх измерений объёма в БП существует прошлое, настоящее и будущее. Следовательно, существуют и переходы из прошлого, настоящего и будущего. Тогда мы имеем в сумме двенадцать размерностей БП. ***

Энергия характеризуется количеством, плотностью и качеством. В количественном отношении Энергия бесконечна. Она заполняет весь объём БП. Плотность Энергии имеет два ограничения: энергия не может принимать нулевое значение и бесконечное значение. ***

О биологии, социуме, России, воспитании

В основе зарождения биологии лежит элементарная структура мозга — подобно тому, как в основе зарождения материи лежит элементарная структура атома водорода, а фундаментом того и другого является Энергия. ***

Трагедия современного социума заключается в отсутствии грамотного диалога людей по причине непонимания ими друг друга. ***

Грамотный социум — это способность людей объединяться в группы с целью выработки совместных взаимодействий для достижения единой цели. Цели, которая жизненно необходима для благополучного существования общества в целом и каждого из нас, но не доступна каждому члену сообщества по отдельности. ***

Основное назначение средств массовой информации (СМИ) заключается в наличии возможности каждого человека через СМИ вести диалог с обществом. Качество диалога зависит от уровня развития сторон.

При грамотной организации диалог сторон будет приятным, полезным и желанным. В противном случае диалога не может быть в принципе. ***

В среднем воспитательный процесс ребёнка занимает около 20 лет (и более) и предполагает:

1) Грамотную организацию оптимального варианта среды обитания и развития ребёнка.

2) Передачу информации в максимально доступной форме. ***

Отсутствие грамотной организации детского воспитания всегда замещалось в прошлом и замещается сегодня:

- в лучшем случае нравовоспитания;
- в худшем случае запретами;
- в неприемлемом случае угрозами;
- в крайнем случае насилием.

Насилие — признак варварства, а варварство — признак слабоумия. ***

Младенческий принцип социума состоит в том, что если есть возможность взять без разрешения или отнять с применением силы что-либо у объекта или субъекта, обязательно возьмут или отнимут. ***

Серьёзные задачи общества и страны скопом случайных людей не решаются. ***

Не всякому железу суждено стать клинком дамасской стали, а только тому, который многократно пройдёт горнило огня и пластикуковки в умелых руках мастера-кузнеца. Не что подобное относится к воспитанию детей, человеку и человечеству в целом. ***

Безмерное чувство страха парализует структуру мозга, а биология с парализованной структурой мозга не способна к плодотворному взаимодействию.

О человеке

Не только теоретически, но и практически человек живёт в окружении безграничного количества Энергии, а воспользоваться ею в полной мере не может, поскольку относится к цивилизации колыбельного типа.

Истина, момент истины, искра истины — это соответствие моего, твоего, его понимания природы самой природе. Истина индивидуальна и переменна так же, как индивидуально и переменна всё в Бесконечном пространстве.

Ничто не препятствует развитию человека так сильно, как его ограниченность. Непреодолимые препятствия потому и не преодолимы, что наша ограниченность не даёт нам их преодолевать до тех пор, пока мы не расширим границы своих возможностей.

Иногда я задыхаюсь, в прямом и в переносном смысле, в рамках своей индивидуальной ограниченности. С возрастом это происходит всё чаще.

Под тяжким бременем социального стереотипа мышления человек, не понимая того, что он индивидуальность, пытается собственноручно утратить свою несравнимую индивидуальную биологию, заложенную самой природой. Не пытайтесь. Не получится. Индивидуальность не отменяется. Индивидуальность, как и всё прочее, меняется.

Все сущности в Бесконечном пространстве обладают индивидуальными свойствами. Свойства сущностей формируются не ради свойств, а для того, чтобы их реализовывать. И желательно в полной мере.

Грамотный человек не нуждается во власти, славе, деньгах, титулах, признании, наградах, почестях и прочее. Потому что всё это ограничивает его волю к взаимодействию, а в крайнем случае — парализует её полностью.

Я не вижу смысла кланяться кому бы то ни было или чему бы то ни было. Тем более не вижу смысла кланяться тому, что неизвестно. Неизвестное открывают, если существует возможность открыть, и по мере жизненной необходимости осваивают, а не кланяются.

Вседозволенность — производная человеческой глупости. Чем глупее человек, тем чудовищнее его вседозволенность.

Талант — это яркое проявление индивидуального свойства, а гениальность (золотая середина, как говорят в народе) — это способность в каждой конкретной ситуации находить оптимальный вариант реализации индивидуального свойства, а в лучшем случае, комплекса свойств.

Сизифов труд ни в коей мере не обозначает бесполезность труда. По своей сути сизифов труд представляет собой вариант эволюции, необходимый для индивидуального понимания Сизифом чего-то значимого, а может быть, и фундаментального.

Не бойтесь человека. Бойтесь человекоподобных существ. Звание человек не присваивается при рождении ребёнка автоматически.

Экономика — не деньги. Экономика — это грамотное и бережное отношение человека к ресурсам, которыми он располагает. Деньги — всего лишь финансовый инструмент, а любым инструментом необходимо грамотно и умело пользоваться.

Дети не рождаются гениями. Но все дети рождаются с биологическим потенциалом к развитию. Биологический потенциал новорождённого в том, что к четырём годам жизни ребёнка количество его синапсов превышает количество синапсов взрослого человека. Но формировать условия гениального развития детей человечество ещё не умеет.

Путь человека к прогрессу лежит через развитие мозга. Это значит, что биология развивается по мере развития мозга и в направлении развития мозга.

Знания невозможно передать из рук в руки, как невозможно передать из рук в руки ситом воду. Такой сущности, как знание, не существует. Существует биологический процесс

понимания природы, и базируется оно на структуре мозга в условиях непрерывного процесса изменения среды обитания биологических сущностей.

Мысли и афоризмы

ИНТЕЛЛЕКТ — это способность к взаимодействию,
КУЛЬТУРА — это образ взаимодействия,
ЭМОЦИИ — это краски взаимодействия,
ТЕМПЕРАМЕНТ — это динамика взаимодействия.
Любое взаимодействие — ДВИЖЕНИЕ!

Любое движение к — ЦЕЛИ!
Цель одна — ЭВОЛЮЦИЯ!

Повышение голоса без надобности, даже в решении бытовых задач, верный признак несостоятельности для грамотного решения задач.

Красота приятна лишь взору, а гармония приятна взору и ласкает каждую клеточку тела и душу.

Ошибка? Это всегда неграмотное действие, в основании которого может присутствовать мышление по инерции или отсутствие понимания того, что и как надо делать.

Если какую-либо задачу не представляется возможным решить здесь и сейчас, это не значит, что к

решению данной задачи не существует возможности приблизиться хотя бы на маленький шаг.

От нагрузки устают. Иногда сильно. От перегрузки сгибаются. Хуже того, ломаются. Однообразие, каким бы великолепным оно ни было, в конце концов утомляет. В крайнем случае может утомить до смерти.

Свобода и благородство возможны только в соседстве с нравственностью, а свобода и вседозволенность — с безнравственностью.

Поверхностное понимание ситуации — это всегда ненадёжный фундамент для принятия жизненно важных решений.

Книга — не источник знаний, а стопа бумаги, заполненная информацией от корки и до корки.

Препятствия на жизненном пути — не повод для раздражения, а естественное условие для размышления!

Иного способа достижения цели, кроме как начать движение к ней, не существует.

за собой способны лишь грамотные люди.

Если не задашь себе вопрос, как ответ к нему найдёшь?

Один неверный шаг — и падаешь в овраг. Задумайтесь! Всего лишь один неверный шаг.

Смысл человеческой жизни может быть утрачен, если им постоянно долбить глухие стены недоверия, которые возникают между людьми.

Достойное настоящее построить в одиночку невозможно. Тем более невозможно в одиночку прийти в достойное будущее.

Уровень развития земной цивилизации соответствует уровню развития ребёнка колыбельного возраста.

Взращивая свой умозрительный «лес» из ложных представлений об окружающей вас природе, будьте осторожны, чтобы не заблудиться в нём и не сгинуть бесследно, когда он разрастётся и станет дремучим и непролазным.

В арсенале земной жизни времени достаточно! Поэтому нет потребности куда-либо спешить, тем более совершать поспешные выводы.

Строгость прямых линий подчёркивает чёткость архитектуры, а плавные линии перехода придают ей изящество.

Во Вселенной любой процесс, любое событие скоротечно, потому что сама Вселенная скоротечна, если смотреть на неё с позиции Бесконечности.

Всё, что бы мы ни делали, сводится к одному — стремлению к совершенству. Бесконечность пространства и есть совершенство.

Любое эволюционное изменение в пространстве представляет собой промежуточный результат. Через мгновение будет другой результат, и так до бесконечности.

Осуществляя очередной шаг, я совершаю переход из прошлого в будущее через настоящее. Это значит, что я присутствую в трёх временных категориях одновременно.

Слепое подражание и абсолютное доверие авторитетам всегда опасно, а в крайнем случае может быть опасным смертельно.

P.S. Почему редакция решила опубликовать этот материал, несмотря на то, что тезисы Валерия Викторовича порой спорны, порой — очевидны? Для нас это вопрос человеческого одиночества. Ты хочешь рассказать о том, что понял в течение целой жизни, но общество глухо, окружающим не интересны чьи-то мысли и откровения. А ещё хотелось показать, что пожилые люди не только жалуются на пенсию, ходят по больницам и сидят перед телевизором. Они, оказывается, думают о мироздании. Прекрасно же?

Текст _ Александра СЛАВЕЦКАЯ-МАРКЕВИЧ

«Если поверить в ученика, он может совершить чудо»

Аля ПРИЛЕПОВА — необычный репетитор по математике: она не конкурирует за учеников, а создаёт сообщество репетиторов, считает, что подготовка к ЕГЭ может стоить недорого и учит не решать примеры, а мыслить математически. Аля создала многослойную систему передачи знаний, и один из её принципов — для каждого ученика свой педагог. И наоборот. Если вдуматься, то ведь это залог продуктивного обучения — когда вы с наставником сходитесь. В мыслях, во взглядах, в манере подачи информации. Аля сводит такие образовательные союзы, и, возможно, за этим и есть образование будущего — мы наконец-то не стараемся уравнивать, а обращаем внимание на индивидуальность.

Я + они + ты + он

— Вы позиционируете себя как учитель?

— Нет, по основному образованию я — аналитик, специалист по защите информации. Педагогическое получила позже, после 30 лет. Но однажды в моей жизни случился полтора месяца в качестве учителя математики в школе.

Два класса, социально-экономический и социально-гуманитарный, ребята разные: были те, кто привык выслуживаться перед учителем, были мальчишки, которые учились на тройки и двойки. Многие сдавали пустые листы на контрольной, по принципу: ничего не написано — не за что ругать. Страх ошибки был такой, что лучше вообще не начинать. Я старалась изменить ситуацию и не ставила плохих оценок, потому что считаю, что они никак не развивают ученика. Все усилия направила на то, чтобы ребята вновь поверили в себя. Это самый важный шаг в моей работе.

За полтора месяца некоторые подтянулись! Но когда прежний педагог вернулась, то первым делом спросила, почему это у троечников стоят пятёрки? «Как была тройка, так и останется», — сказала она и выставила четвертные оценки. Интересно, что через год меня нашёл один из «троечников». Он попросился в группу, хотел поступить в московский вуз, и у него получилось! При тройках в течение последних лет он написал ЕГЭ лучше, чем все в математическом классе его школы! Это была победа.

— Это история про личную неприязнь учителя и ученика?

— Нет, просто этот мальчик мыслил инаково. Существует теория множественного интеллекта Говарда ГАРДНЕРА, он говорит, что интеллект измеряется далеко не только логическими тестами на IQ. Существует 8 основных видов интеллекта, а девятый — экзистенциальный, когда человек способен видеть концепции мирового уровня и понимать, куда движется Вселенная. Таким типом мышления обладали, например, Альберт

ЭЙНШТЕЙН и Генри ФОРД. Так вот из 9 видов интеллекта в школе востребованы два. Только ребята с логическим, лингвистическим типом мышления становятся успешными в рамках существующей академической системы.

— То есть если в ребёнке не развито логическое и лингвистическое, то ему, мягко говоря, нелегко.

— Школа — статичная система, она не может отходить далеко в сторону от правил и норм. Ребёнок, который мыслит немного не соответствующе школьному стандарту, выпадает из системы, даже если обладает развитыми навыками в смежных областях. Он как гадкий утёнок: когда на птичьем дворе все говорят, что ты некрасив, в это веришь. А сил пока недостаточно, чтобы отстоять свою позицию.

— Наверное, этим объясняется, что после школы успешными становятся не всегда отличники?

— В мире востребованы и другие способы мышления, например межличностный интеллект — способность выстраивать тонкие линии коммуникации между людьми. В школе такие ребята ведут концерты, востребованы как тамады, но их преимущества никак не влияют на успеваемость.

Все вроде бы знают, что люди разные, но как именно разные? Есть те, у кого нет амбиций, понятие «успешность» отсутствует в их картине мира. Они довольно быстро понимают школьную систему и взвешивают цену и ценность. Какова цена моих усилий, если я изменю оценку с тройки на пятёрку, и какова ценность — что это в глобальном смысле изменит?

— А как же мысль, что так положено? И авторитет учителя?

— Иногда кажется, что такие ребята игнорируют авторитет, но на самом деле у них в голове вообще нет ранжирования. Например, я условно годна к службе в правоохранительных органах, потому что «полковник» или «подполковник» — какая разница, он для меня человек. Мне важны

не ранги, а понимание взаимодействия двух людей. У некоторых восприятие устроено наоборот, и это не плохо и не хорошо, просто иначе.

— В какой момент вы начали замечать индивидуальность в людях?

— В 7-8 классе я читала Дейла КАРНЕГИ и думала — зачем такая неестественность в алгоритмах? Всегда невольно замечала индивидуальные особенности людей вокруг, первая осознанность пришла лет в пятнадцать: я поняла, что внутренний мир человека может очень отличаться от внешнего. Даже начала вести свою классификацию. Например, одно из наблюдений: филологические девушки, у которых интересное, небанальное мышление, могут быть абсолютно не состоятельны в бытовом плане.

— Но разве индивидуальность человека не стирается, когда он решает пример? Ведь цифры — дело точное.

— Стандартный пример из школьной программы 6 класса, где нужно сложить и умножить составные дроби, можно решить 11-ю разными способами. Например, ребята инженерно-технического характера будут вдумчиво и последовательно выполнять каждое действие. Они возведут в квадрат, умножат, разделят. И тут учитель говорит — вот здесь, в самом начале, нужно было сократить дроби. А конкретно этому ребёнку не надо сокращать! Ему надо пошагово! Не надо таких ребят торопить, исправлять, нужно помочь их способ мышления довести до результата.

У Дуга ЛЕМОВА есть книга «Мастерство учителя», там в предисловии важная мысль: между тем, что выбрать — вложить силы туда, где ничего не получается, и вложить силы туда, где получается уже хорошо — выбирайте второе. Даже незначительные улучшения в том, что уже хорошо, дадут кратный результат. В то же время вы можете вкладываться бесконечно в слабые стороны и не получать дивидендов.

Ученик + учитель

— Как происходит ваше знакомство с учеником?

— Мы встречаемся один на один, и я говорю о том, что мне не так уж важно, какой результат будет в примерах (и это чистая правда), нужно определиться — зачем вообще математика? Прошу подростка представить, что он проснулся сегодня утром, и ему... 42 года. Что он видит вокруг? Как живёт? Человек рассказывает, а я успеваю отследить его тип мышления. Потом мы вместе решаем пару примеров и формулируем жизненную задачу. После я ищу педагога для этого конкретного ученика.

— А разве не у всех одна и та же задача — сдать ЕГЭ?

— Есть множество категорий запросов, в том числе и по ЕГЭ. Первая — сдать базовую математику для того, чтобы иметь возможность подавать документы на специальности, которые не учитывают этот экзамен. Вторая категория — сдать профильную математику для того, чтобы претендовать на широкий спектр специальностей, где в программу включена математика. Например, Институт астрономии в СФУ; порог входа не облачный, но обучение подразумевает погружение в точные науки. Или специальность «психология» — там семестр преподают статистический анализ, курс объёмный и интенсивный, нужно иметь базу, чтобы его понять без разгона.

— То есть задача вообще-то не в самом экзамене?..

— Нет! Мне важно, что будет с ребёнком на старте учёбы и через четыре года после вуза.

Третья категория ребят — это отличники, им нужны баллы выше среднего и до пятёрки, они поступают на технические специальности, экономические направления. Дальше идёт уровень выше пятёрки и выше медали, ребята из математических классов.

— Это потенциальные стобалльники?

— Нет, 80 баллов по математике — это уже топ-овый результат. ЕГЭ по моему предмету построен таким образом, что всё, что выше 80, по сути, выходит за пределы стандартных школьных знаний, даже которые дают в профильных классах. На высший результат претендуют ребята из пятой категории — это 2,5% сильнейших в России. Они способны уложиться в заданное количество времени на экзамене, сразу пишут на чистовик, а ведь быстро на бумагу ложатся только ясные мысли!

— Получается, на 100 баллов к ЕГЭ репетитор не подготовит ребёнка за год?

— Набрать свыше 80 смогут те, кто несколько лет учился в матклассе. Никакие занятия не заменят продолжительной систематической работы. Я вообще недоумеваю, когда репетиторы хвалятся успехами учеников. В 11 классе у человека за плечами знания, полученные в семье, в начальной и средней школе. Ко мне приходят не чистыми листами, я только заполняю пробелы, которые неизбежно возникают в процессе обучения — тут пропал, тут болел, тут недопонял. Я собираю и актуализирую уже существующую систему знаний.

— А сами подростки часто формулируют свои запросы?

— Я стараюсь строить разговор так, чтобы ребёнок обязательно сформулировал свою цель, ведь кораблю без гавани назначения ни один ветер не будет попутным! Мы вместе ищем гавань, а дальше я помогаю увидеть, какими путями к ней можно прийти.

Например, у старшеклассницы есть запрос стать психологом экстремальных катастроф. Это специалист с определёнными качествами характера и структурой интеллекта, он эмпатичен и технологичен. Поступить девочке нужно на клиническую психологию или на психологию катастроф. Конкуренция и там, и там высокая, так как востребованность таких специалистов ограничена. Этой ученице нужен репетитор-ментор, способный выстроить её образовательную траекторию так, чтобы один-два года перед экзаменом инвестировать силы максимально рационально. Объяснить, что не надо хвататься за всё подряд. Задача — набрать 72 балла, для этого нужен запас до 76. Такой педагог заметит, что ученик готов, и сможет удерживать систему на нужном уровне, помогая переключиться на другие предметы. Во время задаст вопрос: а что у тебя с подготовкой к русскому языку? Идёт постоянная обратная связь.

— Но далеко не каждый педагог работает таким образом. Существуют разные типы репетиторов?

— Есть притча. Четверо тащат тачку с камнями. На вопрос «Что вы делаете?» один ответит: «Везу тачку с камнями», второй: «Я зарабатываю на

хлеб», третий: «Зарабатываю на образование детям», четвёртый: «Я строю храм». Это не про то, что кто-то больше профессионал, а кто-то нет, просто масштаб мышления не монолитен. Бывают репетиторы-инструкторы. Они говорят — делай раз, делай два, делай три, и у тебя всё получится.

Репетиторы-тренеры за ограниченный период времени добиваются определённого результата. Репетитор-наставник будет с ребёнком на одной волне, ученик через него чувствует сопричастность с профессиональным сообществом. Это совсем другой индикатор мотивации. И каждая категория педагогов важна: для них есть свои ученики.

— Зачем вы создали сообщество репетиторов? Ведь это индивидуальный труд.

— Всё родилось из запроса — мне было важно, чтобы мои ученики готовились к ЕГЭ по другим предметам качественно и доступно по цене. Я начала искать людей, которые бы разделяли мои ценности и могли их транслировать. Фишка в том, что надо смотреть не только на то, как человек даёт навык, но и на личные особенности. И это круто, когда есть право выбора у ученика и у педагога.

Ещё более круто, когда у меня нет клиентов, а есть «птенчики», ученики, которых я выращиваю. Когда я и они понимаем — мы вот такие. А если звонят с другим запросом, самое простое сказать: «Это не ко мне!». Но здорово, если ты направляешь человека к «его» педагогу!

Восемь лет ушло, чтобы система сообщества репетиторов начала работать. Сначала людям было непривычно, а сейчас для тех, кто тогда был моим воспитанником, это уже новая культурная норма — подсказывать ученику, кто ему может помочь. Нас больше ста человек, люди скидывают запросы, ищут друг друга. Каждый репетитор формирует свой презентационный лист для родителей и детей из разных регионов.

— Сообщество стало всероссийским?

— В основном, это люди из Красноярска, которые живут здесь, в Москве или Санкт-Петербурге.

— Вы говорили, что подготовка к ЕГЭ не должна стоить дорого. Это опять странно, ведь это ваша зарплата.

— Я могу снизить стоимость обучения, если вижу, что ребёнок замотивирован. Могу направить к своим ученикам, которые также стали репетиторами. У них разные цены, и для меня важно сохранять доступность для всех, у кого получение качественного образования в приоритете. Я хочу, чтобы мир вокруг менялся в лучшую сторону. Это возможно, только если больше людей будут находить любимое дело.

Модели + решения + мысли

— Сейчас популярно раннее развитие детей, обучающие игрушки, книги про то, что после трёх уже поздно. Чем раньше ребёнок подружится с цифрами, тем лучше?

— Если ребёнку повезло в начальной школе усвоить фундаментальную основу — счёт до 100, то у него колоссальный потенциал. В моей семье была ошибка — я выучила таблицу умножения до первого класса. Я писала и читала с четырёх лет, родители решили, что таблица умножения — естественный шаг вперёд, но не учли, что я умножала механически, а не осознанно. Ребёнок должен через счётные палочки, конфеты, камешки медленно, с ошибками, но научиться понимать суть сложения и вычитания. Когда вдруг ребёнку становится лень складывать 7+7+7, он пишет 7 умножить на 3. Если случился этот щелчок, то арифметика усвоена!

Рисование, соединение точек, пазлы — это математика для детей. Лучшее, что могут сделать родители, — помочь ребёнку поиграть без требования высокой скорости. В книге «Заповедник гоблина» герои варили эль, в него должны были падать дозревшие жуки и листики. Они должны упасть сами, иначе нужного вкуса не получится. Так и здесь. Механически можно научить решать всё что угодно, но важно, чтобы сформировались нейронные связи, которые помогут человеку мыслить математически.

— Что это значит — математически мыслить?

— Математика как совокупность знаний помогает нести ответственность за принятые решения, осознанно действовать, выбирать пути и направления деятельности, брать методологию в одной области и применять в другой. Я считаю, что чистая математика про примеры и цифры не так важна, но она помогает увидеть красоту техники переложения и получить удовольствие от решения сложных задач. Музыкант написал хит, спортсмен пробежал марафон, математик решил задачу. Очень важно чувствовать: «Ах! Получилось».

— А можно пример, как математическое мышление помогает в повседневной жизни?

— Например, вам нужна осенняя обувь. Определяемся с приоритетами. Допустим, важно, чтобы она была, во-первых, красивая, во-вторых, удобная, в-третьих, цена должна соответствовать качеству. И хорошо бы не потратить на поиски полдня! Это наши ключевые ценности.

По ним идёт ранжирование магазинов: ряд брендов не подходит, потому что предлагают, скажем, только спортивный или повседневный стиль. Часть спектра отсекается из-за стоимости и качества. И мы идём только туда, где разделяют наши взгляды. Выбор уменьшается до четырёх магазинов. Потом соизмеряем, сколько пунктов из оставшихся совпадают. Например, в «Планете» точно не купишь обувь быстро, лучше выбрать магазин небольшой, но с хорошим ассортиментом недалеко от дома или работы.

— Актуально!

— На рынке труда нужны люди с мозгом математика или физика. Человек может забыть всё, чему его учили. Но взгляд на мир, когда любая жизненная задача воспринимается как модель, которую можно разобрать на составляющие, применить метод анализа и синтеза, поискать пути решения, будет с ним всегда. Именно это и формирует математика.

— Скажите, пожалуйста, почему школа до сих пор не пришла к тем же идеям, что и вы?

— Школа — инертный социальный институт, который отвечает задачам текущего уровня общества. Я вообще обеими руками «за» школу, с большим уважением отношусь к педагогам. К сожалению, сейчас профессия во многом дискредитирована, авторитет потерян. Родители относятся к учителям снисходительно, дети это считают.

Нам всем нужно вспомнить, что учитель — это не кувалда, которая вбивает знания в головы детей. Он не воспитатель, но человек, который может помочь ребёнку состояться.

«
Учитель похож на продюсера, он замечает и развивает способности. И тогда школа становится стартовой площадкой, где дети пробуют что-нибудь сделать.
»

— Как вы формулируете свою главную задачу?

— Если в жизни подростка есть хотя бы один взрослый, которой поверил в него по-настоящему, то такой ребёнок способен совершить чудо.

Знаете, самое трудное в космических полётах — преодолеть земное притяжение, оторваться ракете от Земли. Нужна первая космическая скорость. На этом этапе уходит больше всего топлива. Так вот, больше всего моих сил уходит на то, чтобы появились первые успехи. Ребёнок должен перейти от состояния равнодушия к себе и к математике, или даже негативного отношения, к здоровому любопытству. Этот момент для меня критически важный.

— Как это происходит?

— Ты становишься взрослым, который регулярно говорит ребёнку: «У тебя получается, и вот тому примеры! Вот здесь и здесь, и здесь! Посмотри!». Тебе удалось объяснить товарищу, смотри, как ты организовал что-то. Я ищу, в каком процессе человек хорош, и подчёркиваю это. Важно, что я занимаюсь с учениками в группах. Если хвалить один на один, то ребёнок подумает, что это лесть, а так я хвалю и тут же спрашиваю мнение других — могут ли они так же? Они говорят — нет, так здорово может только он! И мы приходим к мысли, что справедливость не там, где все равны, а там где есть возможность позволить себе индивидуальную мелочь.

— То есть вам не обязательно угадывать главный талант в ребёнке?

— Нет, достаточно заметить мелочь, в которой он хорош. Подросток часто спрашивает — я правда могу? И ты каждый раз отвечаешь — да, ты способен. Это ювелирная работа, на которую уходит два-три месяца. Мои выпускники — про то, как в каждом можно найти что-то, в чём он искренне прекрасен. Научиться этому любоваться, не придумывая ничего. Без фальши открыть в себе искреннее изумление и ценить красоту разнообразных проявлений.

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Сергей Мирошников
даёт мастер-класс в СФУ

О времени как кулинарном секрете, гастрономическом туризме и пирожках с ладонь

Сергей МИРОШНИКОВ известен гурманам и увлечённым кулинарией читателям как Мирон — шеф-повар, автор популярных страниц в соцсетях. По его рецептам готовят, у него спрашивают совета. Но это не просто кулинарные блоги: Сергей умеет облекать в слова ароматы и текстуры, оттенки вкусов и впечатления от их сочетаний. Мало того, это философия еды, которая в конечном итоге позволяет разобраться в себе. «Занимаясь кухней своего региона, мы отвечаем на более глубокие и важные вопросы, даже не всегда понимая, что меняемся. Словом, меняем себя», — пишет Мирон. Недавно в поиске ответов по приглашению Института гастрономии СФУ он побывал в тайге, в низовьях Енисея, где изучал кулинарные традиции коренных сибирских народов.

— Сергей, каковы ваши самые сильные впечатления от этой поездки, от экспедиции и самого Красноярска?

— На самом деле впечатлений от Красноярска хотелось бы больше. Но мой маршрут складывался так: прилетели, затем сразу в экспедицию. По возвращении успел побывать в ресторане «Чешуя», который, несомненно, порадовал. Мне всегда нравится, когда у коллег много гостей. Шеф-повар провёл нам экскурсию — впечатлила кухня, видно, что люди давно занимаются своим делом, шли ко многим решениям годами, это высокий профессиональный уровень.

Екатеринбург, где я живу и работаю, как и Красноярск, считается «регионом». Есть Москва, есть Питер — остальные регионы. Но сейчас можно смело говорить о том, что наши города звучат вполне столично, уже не в общем хоре. Мы станем чем-то отдельным в кулинарном плане, заслуживающим внимания и уважения. К нам приезжают в том числе за гастрономическими впечатлениями.

— А каковы ваши кулинарные впечатления от северного путешествия?

— В экспедиции для меня важны новые открытия чувства вкуса. Когда ты остаёшься один на один с природой, с ограниченным набором продуктов — это тебя развивает. Нет ничего лишнего, никаких сомнений. Ты думаешь, как приложить свой профессионализм, чтобы достичь максимума. Это справедливо для любого шеф-повара, потому что в современном мире мы окружены большим количеством разнообразных продуктов, и это часто заставляет нас сомневаться. Тем более сомнения преодолевают молодых кулинаров, которые ещё не окрепли в своих стремлениях, мечутся от одного к другому, и часто бывает так, что просто теряют хорошую базу. С годами у человека пропадает ощущение, откуда он родом, чувство вкуса. Когда ты пробуешь еду разных людей, приготовленную по разным традициям, ко-

торая имеет свои отличия и свой характер, важно сохранить и свой вкус.

— Вы готовили в экспедиции? И были ли это новые для вас блюда?

— Готовил каждый день. Но по большому счёту из продуктов, которые уже были мне знакомы. Новым было добавление дикоросов, например лилейника. Мы привезли его из тайги с собой, чтобы подать на ужин в ресторане Института гастрономии. Клубни лилейника добавляли в пищу коренные народы Сибири, кеты. Во время экспедиции у нас даже была возможность пообщаться с их представителями, узнать, как они питаются, охотятся. Одно из самых сильных впечатлений — от рассказа о традиционной охоте на лося. Люди могли гнаться за животным сутки, выматывая его и направляя ближе к жилью, поскольку перенести такую тушу из леса было не под силу. Конечно, сейчас нам такую охоту невозможно представить, но тогда это был способ выживания, приспособления к суровым условиям.

— Сергей, как вы вообще выбирали свою профессию? Кто готовил у вас в семье, как вы учились этому сами?

— Ничего необычного у нас дома не было, всё как у всех. Единственное — в домашней кулинарии не существовало разделения на мужские и женские обязанности, еда всегда была общим делом. Готовили абсолютно все, и я потихоньку приобщался к этому. Родители работали на заводе, возвращались домой в четыре, а я приходил из школы раньше, и мне поручали готовить на всю семью. Постепенно — сначала макароны, потом суп, котлетки. Понимание того, что это не является каким-то сложным делом, привело к тому, что я начал готовить в компаниях друзей. Во время выездов на шашлыки, на пикник готовка всегда была на мне.

А когда пришло время выбирать, где учиться дальше, один умный человек посоветовал: надо заниматься тем, что у тебя хотя бы немного по-

лучается и что тебе нравится. Так я поступил в пищевую колледж на инженера-технолога пищевых производств. Это было в Донецке, моём родном городе. После колледжа пошёл учиться в институт по той же специальности.

К большому сожалению, вуз не слишком много дал мне в моей нынешней профессии: шеф-повара в России раньше учились как могли. Глядя на то, как поставлено дело у вас в Институте гастрономии, я радуюсь, что у других поколений всё иначе.

Прежде можно было только мечтать о том, чтобы филиал французского мэтра был не в Москве, а в Красноярске. А сейчас сюда, в СФУ (*речь идёт о Высшей школе гастрономии от INSTITUT PAUL BOCUSE — ред.*), приезжают шеф-повара и после стажировки восхищаются уровнем студентов. Этот успех даёт ощущение, что всё возможно. И те, кто учится и работает в нашей сфере, понимают, что многое зависит от них самих.

Современные студенты экономят много лет своей жизни и быстрее становятся настоящими шеф-поварами. Мы же шли через свои ошибки, а это долгий путь. Нам реально не хватало профессионального образования. Если бы была иная профессиональная база, взлетать было бы легче.

«
Хочу отметить также, что в нашей стране в этой сфере много творческих, самодостаточных людей, людей с идеями. Российские шеф-повара в последние годы уже зарекомендовали себя на мировой арене, и если удастся продолжить в том же темпе, будет круто.
»

— Существуют две точки зрения на кулинарию: кто-то строго придерживается рецептов, другие всё делают «на глаз», по наитию. А вы?

— Это вопрос не к шеф-поварам: они же сами придумывают блюда. Ты не можешь готовить по рецепту, поскольку сам его создаёшь здесь и сейчас. У шефа есть своя концепция, продукты, много меняющихся условий, которые влияют на результат. Ты, по сути, создаёшь всё заново. Да, есть какая-то общемировая база, например по соусам. Но и классический соус насыщается своими вкусами, текстурой, нюансами.

Правда, есть шеф-повара, которые работают в строго выверенном, например, сетевом бизнесе, где много регламентов. В этом случае повар является только исполнителем, заполняя нужные бланки и проверяя качество блюд. Но мы-то говорим о тех шефах, которые создают индустрию, двигают бизнес, ради которых искатели кулинарных впечатлений приезжают из других городов и стран. Никто же не поедет в обычную пиццерию или ресторан фастфуда.

— Есть ли у вас как у шеф-повара своё коронное блюдо?

— Это, на мой взгляд, тоже стереотип. Шеф-повар — человек, который постоянно движется вперёд, повышает свои возможности, свой профессиональный уровень. Меняется и то, что он готовит.

То же можно сказать и про любимое блюдо. Это история одного часа, когда ты слушаешь свои впечатления. Например, если ты не спал всю ночь, организм говорит тебе, что ему нужен такой-то набор витаминов и микроэлементов, чтобы прийти в нужное состояние. И твоё любимое блюдо будет в этот момент таким. Если за окном дождь и ветер, ты можешь захотеть тёплых, плотных вещей, и это будет твоим блюдом. А на море тебе захочется морепродуктов в кислой заправке, чтобы сбалансировать свои ощущения.

Любимые блюда меняются, другим становятся и то, что ты готовишь сам. Постоянно создаёшь что-то новое под разные задачи. К примеру, ужин в честь нашей экспедиции будет на сто процентов из специфических продуктов. И человек сможет его оценить, только если захочет вникнуть в то, какая работа была проделана. Он может не понять, зачем ест то или иное блюдо, если не погрузится в нужную атмосферу.

Мы готовили из того, что собирали, находили, ловили сами. Например, одним из блюд будет щука и окунь, приготовленные на пару. В каких пропорциях соединить рыбу, подсказала сама природа. Сколько поймали, столько и приготовили — получилось вкусно, и в этой естественности и есть большая ценность.

— Как вы думаете, какие русские кулинарные традиции прошлого остаются недооценёнными?

— Да практически все. Главная наша проблема сегодня, я считаю, — это ускоренный ритм жизни. Чем больше ты делаешь, тем более занятым становишься, более востребованным. Нет времени полноценно разобраться в вопросе, и начинаешь либо искать компромиссы, либо расставлять приоритеты. И приоритет изучения отпадает, к большому сожалению. А ведь позади нас гигантский опыт и знания!

Я думаю, что раньше повара были грамотнее, техничнее нас, ведь без каких-либо гаджетов и оборудования они давали такой впечатляющий результат. Как можно было 200 лет назад, не имея конвекторов, технологий заготовки и охлаждения блюд, командой из 15 повара дать обед на 500 человек с шестью переменами блюд? Это колоссальная работа, и я не понимаю, как они это делали. Значит, владели определёнными знаниями. Если бы мы тоже располагали ими, то на нашей технике, с нашими ресурсами могли бы заметно продвинуться вперёд.

— Что мешает вам в работе, кроме недостатка времени?

— Я люблю обязательную часть: составление отчётов, бланков. В нашем бизнесе без этого никуда, но сильно выматывает. Нахожу это бессмысленным занятием, тратой времени впустую.

— Ваша основная работа — шеф-повар ресторана в Екатеринбурге?

— Я концепт-шеф, веду пять различных проектов. Это разные заведения в Екатеринбурге и Сочи. Сейчас строим ещё один ресторан в Сочи и не планируем на этом останавливаться. Везде разные концепции, меню, шеф-повара, условия. Набираем команды.

— А как вы начали «готовить в интернете»?

— Можно сказать, меня заставили, я сильно сопротивлялся. Казалось, что надо больше времени проводить на кухне, чем рассказывать об

этом. И было устойчивое впечатление, что это не про меня. Но друзья уговорили, мол, есть много такого, о чём никто не знает, и надо делиться с людьми.

Сейчас уже я нахожу этот инструмент полезным для себя: он помогает укреплять свои позиции, разговаривать, знакомиться с людьми.

— Есть у вас хобби?

— На них уж точно нет времени. Только еда.

— Из чего состоит ваше повседневное меню?

— Всё зависит от того, где я нахожусь. Поскольку ресторанов достаточно много, и все они требуют внимания (за полгода я открываю свой третий проект), ты постоянно циркулируешь по городам и питаешься в разных местах. Многих, кто у тебя учился и стал шеф-поваром, надо поддерживать, дать рекомендации. Приезжаешь, консультируешь — и ешь.

— То есть дома не готовите?

— Я почти не бываю дома. Хотя домашнюю кухню люблю, может, потому, что нечасто удаётся попробовать. Когда приезжаю к маме и бабушке, ем домашнее, и это всегда просто, эмоционально, очень вкусно. И полезно.

— Банальный вопрос: кто всё же готовит лучше — мужчины или женщины?

— Люди. Тут нет гендерной зависимости. Всё от человека, его характера и цели. Я убеждён, что и талант в кулинарии играет роль на определённом отрезке времени, а потом всё решает только труд. Если ты будешь упорствовать в своём деле, результат улучшится.

— Шеф-повара — люди, более одарённые способностями воспринимать вкусовые ощущения, чем большинство?

— Часто это просто натренированность, как с мышцами. Но, конечно, есть те, кому в восприятии вкусов дано чуть больше, чем другим. Это как любые способности.

— Кулинарные традиции каких стран вам ближе?

— Это трудный вопрос... Всё зависит от задач. Возьмём такой пример: популярный шеф-повар развивал ресторан азиатской кухни. А затем ему понадобилось открыть итальянское заведение. Каждый раз перед сменой направления он себя «прокачивает» — читает книги, едет на стажировки, записывает свой опыт. В момент, когда специалист погружается в вопрос, он становится на сторону этой тематики, ищет в ней что-то хорошее, это превращается в его дело.

« Мне лично импонирует японская культура с её сдержанностью. Японцы подарили нам традицию сетов, сменяемости блюд. Много можно найти в философии этой кухни, которая работает со здоровьем человека, с культурной частью, с восприятием вкусов, уделяет внимание температуре блюд, от которой зависит насыщение. Когда Европа только начала перенимать этот опыт, многие люди не вникали, использовали только формат. А шеф-повара разбираются в японской кухне вдумчиво и получают результат. »

Вообще, не бывает неинтересных кухонь. Я это понял давно на примере такого блюда, как тако. Казалось бы, что особенного: невнятная лепёшка массового производства, которую можно купить почти в любом супермаркете. Но однажды мне довелось попробовать тако, которая была приготовлена по всем правилам, с провариванием кукурузы, чтобы получилось эластичное тесто. Это был совершенно другой кулинарный уровень и другой вкус, ценный сам по себе. Ведь этой простой рабочей лепёшкой, куском перемолотого зерна можно накормить много людей!

Важно, чтобы еда вызывала у тебя уважение. Иногда вещи, которые кажутся на первый взгляд простыми, несут большой глубинный смысл, и пока ты не попробуешь их в аутентичном варианте, не сможешь получить о них правильное впечатление. Поэтому любая кухня достойна

внимания. Важно разобраться и попробовать именно то, что люди задумывали изначально.

— Можно ли выделить такое блюдо русской кухни, или она слишком разнообразна?

— Она очень разнообразна и очень зависит от состояния.

Любое русское блюдо можно приготовить так, что с ума сойдёшь. Но нам привычное не кажется ценным.

Я в последнее время часто готовлю пирожки. Делаю их в противовес правилам размером с ладонь и подаю с большим салатом, соусами. С начинками из копчёной форели, томлёной говядины, на Урале — с форелью и квашеной капустой. Получается такая современная интерпретация пирожка. Это простое дрожжевое тесто, но главное в том, что оно требует внимания, которым мы часто не обладаем из-за бешеного темпа нашей жизни. С пирожками мы не спешим, даём тесту подняться дважды... Вообще в готовке люди часто забывают о том, что и время делает свою работу. Самое лучшее требует времени.

— А как вы относитесь к фастфуду с его противоположными установками?

— Прекрасно отношусь и ем иногда. Потому что это решение вопроса. Мы же не собираемся вернуться к ручной стирке белья в родниковой воде — просто закладываем его в машину. Так и с фастфудом: важно понимать, где вы находитесь и какую задачу решаете.

Другой вопрос, может ли фастфуд быть иным. Да, на сто процентов. Но мы сами виноваты, что он такой. Удовлетворяемся жирными несбалансированными блюдами. Шеф-повара, которые вникают в эти вопросы, делают другой фастфуд. При этом тратятся время, ресурсы, и такие блюда стоят дороже. Не покупая их, мы не даём развиваться этой сфере. Так что в первую очередь надо разобраться со своей осознанностью. Фастфуд может улучшиться.

— Сергей, резюмируя, назовите три главных секрета хорошей кулинарии.

— Никаких особенных секретов нет, тут как в математике: дважды два четыре. Во-первых, качество продукта. Люди порой не придают ценности простым продуктам, не изучают вопрос подробно. Шеф-повара, например, часто не обращают внимания на овощи. Но надо не просто купить тыкву и приготовить блюдо из неё, а купить 10 тыкв разных сортов, вникнуть, что для чего годится больше, приготовить и просто попробовать. Это сумасшедшее открытие! Одна тыква подойдёт для пюре, другая будет лучше для супа. Пока не попробуешь, не узнаешь. То же самое с картофелем, морковкой, луком. И не только с овощами. Надо разбираться с качествами продуктов, их свойствами.

Второе — это внимание. Мы часто забываем о такой подаренной нам судьбой магии: всё, чему мы уделяем внимание, становится лучше. Одно дело поставить ужин на плиту вариться и уйти, другое — отслеживать этот процесс от начала до конца, по ходу принимать решения. Результат совершенно разный.

Третье — важно пробовать. Мы по-разному видим мир и, пробуя на вкус непривычные или иначе приготовленные блюда, расширяем свой потенциал. Когда мы на чей-то опыт накладываем что-то своё, получаем нечто новое.

— И напоследок: мечтаете ли вы о каких-либо гастрономических путешествиях, чтобы собирать такие впечатления, пробовать?

— В последнее время мечты в моей жизни часто становятся реальностью. Вскоре, например, поеду в Швецию — это будет одним из моих первых опытов за границей. Еду туда для обучения, повышения своего уровня и надеюсь выбрать то, что откликнется в душе.

Мне хочется, чтобы повара больше занимались честной локальной кухней. Когда путешественник приезжает в страну, ему важно прежде всего попробовать чистые вкусы. Но тут есть небольшая проблема, отчасти маркетинговая. Шеф-повара замешивают в своём меню лишь самую верхушку аутентичной кухни, а остальные блюда в нём усреднённые по мировым стандартам. Так, я считаю, рестораны теряют своё лицо, вместо того чтобы смотреть в будущее, искать свои вкусы с учётом местных традиций.

Люди едут к нам на Урал и в Сибирь именно за настоящим местным угощением. И за таким кулинарным туризмом будущее.

Наталья Боброва, ведущая солистка Красноярского театра оперы и балета им. Д. А. Хворостовского в образе Катарини во время съёмки афиши к балету «Катарины, или Дочь разбойника» на Торгашинском хребте, скала «Арка». Фото Ивана Карнаухова

«Такой звёздный состав, как у нас, есть только в Большом театре»

Окончание. Начало на стр. 14.

— Пополнилась ли труппа благодаря конкурсу?

— Конечно, и свои выросли, стали лауреатами. Я думаю, что настолько звёздный состав, как в красноярском театре, сегодня есть только в Большом. Как эксперт «Золотой маски» я видел многих, и даже федеральные театры в регионах не обладают такими звёздами, как у нас. Оценить их уровень можно в любом нашем спектакле, но я с удовольствием приглашаю на нашу ближайшую балетную премьеру — реконструкцию балета «Катарины, или Дочь разбойника» в ноябре.

Над «Катариной» мы работаем вместе с заслуженной артисткой Российской Федерации Юлианой МАЛХАСЯНЦ, и это не первый опыт сотрудничества: мы совместно сделали «Гусарскую балладу», «Пиковую даму», «Спящую красавицу», «Лебединое озеро», либретто к «Кармен». Как репетитор Юлиана иногда работает с нашей труппой. У неё мозг математический, мы хорошо понимаем друг друга, и выстраивать любой спектакль мне с ней комфортно. Тем более этот грандиозный проект.

Мы решили реконструировать балет, который когда-то мечтали станцевать все балерины, но публика не видела его более ста лет. По крупицам, с помощью историков музыки и театроведов собирали музыку, либретто. Простудировали работу Берил МОРИНА о пантомиме в балете — а это отдельный интереснейший опыт. Стилизованные пантомимные жесты были важны в первых постановках великих балетов XIX века, таких как «Жизель», «Лебединое озеро», «Спящая красавица». Любой такой жест имеет определённое значение и должен выполняться максимально точно, аккуратно, быть персонализированным и строго ограниченным областью движения.

В советской России большая часть балетной пантомимы была уничтожена. Но в Англии, куда эмигрировал русский балетмейстер Николай СЕРГЕЕВ, её сохранили. Теперь мы восстанавливаем наше наследие по работам англичан. Кроме того, мы обнаружили, что существует три версии финала — трагическая, мелодраматическая и оптимистическая, и наш зритель увидит их все.

— В октябре в Красноярске пройдёт Фестиваль Дмитрия Хворостовского...

— Да, и в нашем театре работают над, как мне кажется, главным его событием — премьерой оперы «Дон Жуан». Художественный руководи-

тель фестиваля Антон ЛЕВАХИН собрал отличную команду талантливых европейских постановщиков, я сам с интересом жду премьеры.

— Куда вы ездили в ваши первые зарубежные гастроли?

— С Большим театром в Мексику в 1984 году. После серого Советского Союза оказаться в яркой разноцветной Мексике было неожиданно. Через год отель, в котором мы жили, после землетрясения по крышу ушёл под землю.

— Почти 20 лет наша балетная труппа ежегодно гастролирует в Англии. Вероятно, вы там уже как дома?

— Да, начинаем мы всегда с Кардиффа, много лет та же гостиница, тот же театр, и нас там ждут зрители. Это важно для коллектива не только экономически, но и морально. В Англии есть своя публика, в нескольких городах создали фан-группы «сибирского балета».

«*Вообще, если это не «Ковент Гарден», классический репертуар в Европе мало кто исполняет в хорошем качестве. Мы же каждый раз улучшаем качество исполнения, и все видят результат — и зрители, и критики, и фанаты.*»

Нас ждут, задолго до приезда появляются вопросы: а что в этом году будет танцевать КУДРЯВЦЕВ? А СВИНКО? Это уже разговоры о личностях, даже в Красноярске такого нет. А ведь отношение публики оставляет послевкусие, как после хорошего французского вина. Когда ты выходишь после спектакля и понимаешь, что есть зрители, которые тебя ждут, создаётся некая атмосфера.

Григоревич как-то рассказал о своём разговоре с ШАГАЛОМ, когда тот уже жил в Париже. Он спросил: «Марк, а чего вы здесь-то ничего не пишете?». Шагал тогда расписал плафон в Парижской опере, и всё, больше ничего не делал. «Понимаете, Юра, — ответил Шагал, — ну нет атмосферы». В Париже

у него всё было слишком благополучно, не было острых углов и желания творить.

У балетных же иначе: если видишь, что есть люди, которым важно твоё творчество, это импульс к развитию. Но хотелось бы, чтобы в Красноярске тоже появилась атмосфера, стимулирующая творчество артистов. В Большом всегда были и почитатели, и клакеры, и «сыры» (на театральном сленге фанатов зовут «сырами» от названия магазина, что располагался недалеко от квартиры Сергея ЛЕМЕШЕВА. Туда «лемешистки», круглосуточно дежурившие у подъезда кумира, по очереди бегали греться, за что и получили прозвище, которое распространилось на всех театральных поклонников — прим. ред.). Они знали репертуар, могли указать на ошибки или неточности, сказать, чего не хватило сегодня на спектакле. И это мнение иногда более ценно, чем мнение педагога.

— То есть прямо на улице к вам подходил незнакомый человек и что-то говорил о спектакле?

— Ты выходишь из первого подъезда, на твоей машине цветы, а вокруг — поклонники, которые аплодируют или высказывают своё мнение. Конечно, всё это не само организовывалось, у каждого ведущего артиста был свой «министр» — человек, который как раз занимался такой деятельностью. Моего звали Роман. Он собирал эту тусовку, помогал им общаться со мной, кому-то доставал приглашения. Это была исторически сложившаяся система отношений артиста и зрителей, приятная всем. Причём творческого характера, без какого-то эротического подтекста, с большим уважением, радостно. Похожая атмосфера была в Софии, когда я поставил «Антигону», но там она случилась стихийно. Я был поражён, когда вокруг все собрались, и болгары были настолько доброжелательны, откровенны в выражении своих мнений.

В Красноярске же иногда на спектакли приходят грузные печальные мужчины, которых явно притащили жёны. В антракте, пока жёны дефилируют в фойе, они заседают в буфете. И когда заканчивается спектакль, дежурно аплодируют и спешат уйти из театра. Всё.

— Как вы думаете, почему так происходит?

— Не знаю, может, ментальность другая, в Сибири люди привыкли не раскрывать свои чувства. А может, потому что не было традиций, некому организовывать почитателей балета, помогать им.